

ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук»

Факультет Философский

Направление подготовки 47.03.01 «Философия»

Направленность (профиль) Общий

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: Проблема иллюзии и реальности в рамках «воплощенного подхода» в когнитивной науке

Обучающийся: Пронькина А. Н.

Научный руководитель: д. ф. н., профессор, академик РАН, заведующий кафедрой эпистемологии и логики, руководитель философского факультета ГАУГН Лекторский В. А.

Рецензент: д. ф. н., доцент Труфанова Е. О.

Содержание

Введение	3
Глава 1. Проблема восприятия зрительных иллюзий: теоретические подходы к изучению данной проблемы и современный взгляд.....	8
1.1. Современный взгляд на проблему возникновения зрительных иллюзий	8
1.2. Конструктивистский подход к изучению феномена зрительных иллюзий: Г. фон Гельмгольц, Р. Грегори	13
1.3. «Экологический подход» к восприятию Дж. Гибсона	27
Глава 2. Проблема иллюзии и реальности в рамках телесно-воплощенного подхода.....	39
2.1. Телесно-воплощенный подход к пониманию восприятия	39
2.2. Является ли видимый мир великой иллюзией?	50
Заключение	66
Список литературы	69

Введение

Одной из ключевых проблем теории познания является проблема соотношения иллюзии и реальности. Действительно ли вещи таковы, какими мы их воспринимаем? Доступно ли нам знание о том, каковы вещи на самом деле? Объективен ли воспринимаемый нами мир или он существует только в нашем сознании? Все эти вопросы были предметом непрекращающихся споров в различных отраслях знания: философии, психологии, социологии и других дисциплинах. Однако наибольшую актуальность эта проблема получила в нынешнее время, где более полно обсуждается в рамках активно развивающейся области научного знания – когнитивной науки.

К настоящему времени, когнитивная наука – это целая сеть взаимосвязанных дисциплин, которые занимаются исследованием познавательных процессов. Традиционно основу области когнитивных исследований составляют шесть дисциплин: экспериментальная психология познания, философия сознания, нейронаука, когнитивная антропология, лингвистика, компьютерные науки и искусственный интеллект¹. Поскольку состав когнитивной науки неоднороден, то ответ на вопрос о том, что такое познание, не имеет точной формулировки, поскольку ответ каждой дисциплины в первую очередь отражает ее собственные проблемы.

Исходя из этого, такой феномен как иллюзия можно трактовать по-разному. Согласно философскому энциклопедическому словарю, иллюзия от лат. *illusio* – это «поверхностное представление, чистая фантазия; в практической жизни – облегчающий самообман («предаваться иллюзиям») вместо трезвого взгляда на факты»². Зачастую, в том числе и в данном определении, иллюзия понимается как заблуждение, поэтому проблема

---

¹ Фаликман М. Когнитивная наука: основоположения и перспективы //Философско-литературный журнал «Логос». – 2014. – №. 1 (97). С. 5.

² Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. – М., 1983. С. 431.

иллюзии и реальности может идти в связке с другой философской проблемой – мнения и истины. В рамках данной работы, проблема иллюзии и реальности будет рассматриваться исходя из психологического определения иллюзии как искаженного восприятия действительности. На примере восприятия иллюзий преимущественно в контексте зрительного опыта, будут рассмотрены два подхода – конструктивистский и «экологический», или подход с позиции реализма.

Проблема зрительных иллюзий разрабатывалась в психологии (конкретнее – в психологии восприятия) со времени формирования этой области знания как научной дисциплины. Немецкий ученый Герман фон Гельмгольц предложил рассматривать зрительное восприятие как процесс построения бессознательных умозаключений на основе предшествующего опыта. Осознание того, что прошлый опыт вносит существенный вклад в процесс восприятия имело значимую роль при изучении иллюзий, поскольку при рассмотрении ошибок человеческого восприятия, в первую очередь, важно выяснить какую роль в данном процессе играет когнитивный компонент. Британский психолог восприятия, ведущий специалист в области зрительных иллюзий Р. Грегори, будучи последователем Гельмгольца, определял восприятие как процесс наложения перцептивных эталонов («объект-гипотез») на сенсорную информацию. По мнению Грегори, мы воспринимаем объекты внешнего мира и действуем не столько в соответствии с тем, что непосредственно ощущаем, сколько с тем, о чем только догадываемся. Поэтому восприятие, как процесс переработки, интерпретации поступающей с сетчатки информации, по сути является попыткой человеческого разума ответить на вопрос: что есть данный объект? Ошибки восприятия, или иллюзии, в этом случае возникают по причине неверно подобранной мозгом перцептивной объект-гипотезы, несоответствующей реальному положению дел: мы начинаем воспринимать то, чего на самом деле не существует.

«Экологический подход» к зрительному восприятию, разработанный психологом Дж. Гибсоном, как совершенно иная концепция, стоящая в оппозиции рассмотренному конструктивистскому подходу, исходит из идей эпистемологического реализма. С именем Гибсона связано совершенно новое для психологии понимание перцептивной активности. Восприятие – это, прежде всего, активный процесс извлечения информации о внешнем мире, поэтому важно понимать восприятие не как процесс, который происходит «внутри» познающего, а необходимо рассматривать его во взаимодействии с окружающим миром. Основная претензия к конструктивистскому подходу сводилась к тому, что процесс восприятия происходит не в искусственно созданных лабораторных условиях (а Грегори рассматривает феномен зрительных иллюзий преимущественно на основе экспериментов, в частности – восприятие оптических иллюзий геометрических фигур), а в комплексной среде окружающей действительности. По мнению Гибсона, человек – это активный субъект действия, а человеческий глаз нельзя уподобить статичному фотоаппарату. Иллюзии же, в большинстве случаев, возникают только тогда, когда человек занимает определенную позицию, смотрит на объект с определенного ракурса и т.д. Гибсон же показывает, что в реальных условиях большинство зрительных иллюзий попросту не работают.

«Экологический» подход Гибсона заложил основу для дальнейшего развития понимания процессов восприятия и познания. Сегодня исследователи, развивающие принципиальные идеи Гибсона, называют себя «гибсонианцы» или «неогибсонианцы». Одним из таких направлений является «телесно-воплощенный» подход к восприятию, также известный как энактивизм, и представлен он именами таких исследователей как Ф. Варела, У. Матурана и др. Представители данного подхода исходят из постулата об активности, преимущественно сенсорно-моторной активности, субъекта. По их мнению, невозможно игнорировать роль тела в деятельности сознания, так как тело – это то, что вписано в окружающую

среду, а сама окружающая среда понимается как часть когнитивной системы. Для того, чтобы разобраться в процессах познания, необходимо одновременно изучать как познающего субъекта, так и ситуацию, в которой он находится. В настоящее время исследователи выделяют три основные ветви энактивизма: аутопозитивный, радикальный, сенсомоторный. В рамках данной работы, более подробно будет рассмотрен сенсомоторный энактивизм А. Ноэ, в чьих работах предложено совершенно новое понимание восприятия.

С именем Ноэ в современной когнитивной науке связана дискуссия, получившая распространение в рамках философского дискурса, о видимом мире как «великой иллюзии» сознания. Понимая восприятие как вид активности тела в среде, а окружающий мир – как «внешнюю память» человека, Ноэ критикует позицию так называемого «нового скептицизма», согласно которому возможность обладания перцептивным опытом ставится под сомнение, а мир, в таком случае, выступает как иллюзорная ошибка сознания.

Цель настоящей работы – проанализировать существующие подходы в рамках решения проблемы иллюзии и реальности, а также показать, что наиболее полно данную проблему решает телесно-воплощенный подход. С опорой на современных исследователей, будет показано, что в сущности телесно-воплощенный подход должен рассматриваться с позиций т.н. конструктивного реализма, поэтому к решению проблемы иллюзии и реальности стоит подходить с позиций комплексного подхода, учитывая существующие концепции и методы.

Итак, объект настоящего исследования – проблема иллюзии и реальности, а предмет – рассмотрение проблемы иллюзии и реальности в рамках телесно-воплощенного подхода в современной когнитивной науке.

Задачами данного исследования выступают:

- 1) Рассмотрение и анализ теоретических подходов к изучению проблемы зрительных иллюзий, в т.ч. и современный взгляд на проблему;
- 2) Рассмотрение и сравнение конструктивистского и экологического подходов в контексте разрешения проблемы иллюзии и реальности;
- 3) Анализ телесно-воплощенного подхода в понимании восприятия;
- 4) Рассмотрение дискуссии о мире как «Великой иллюзии» и демонстрация несостоятельности аргументации с позиции скептицизма.

Глава 1. Проблема восприятия зрительных иллюзий: теоретические подходы к изучению данной проблемы и современный взгляд

1.1. Современный взгляд на проблему возникновения зрительных иллюзий

Адекватно ли наше восприятие отображает свойства объектов реального мира? Такие феномены восприятия, как перцептивные иллюзии, убеждают нас в обратном, показывая, что наше восприятие зачастую является ошибочным, а наши представления о реальности и реальность как таковая не совпадают друг с другом. Проблема взаимоотношений иллюзии и реальности является одной из ключевых проблем теории познания, активное обсуждение которой идет на протяжении многих столетий в области философии, а сегодня также в психологии, нейронауках и других дисциплинах.

В настоящее время большой популярностью пользуется относительно новое направление, развивающееся на стыке психологии, нейрофизиологии и практики профессиональных иллюзионистов, известное как нейромагия³. Пытаясь понять мозговые и нейронные основы когнитивных функций, нейрофизиологи обратились к опыту иллюзионистов, ведь фокусники – это прежде всего мастера по управлению человеческим вниманием и восприятием. Манипулируя направленностью и интенсивностью нашего внимания, фокусник вводит нас в заблуждение посредством зрительных, оптических, когнитивных иллюзий (в отличие от сенсорных, в них оказываются включены высокоуровневый процессы – внимание, память, мышление), намеренно делая так, чтобы мы что-то заметили, а что-то – нет, благодаря чему складывается впечатление, что единственным возможным объяснением происходящего является магия, волшебство. Подвергая

---

³ *Мартинес-Конде С., Макник С. Мозг в фокусе [2009] // Горизонты когнитивной психологии. Хрестоматия / Под ред. В. Ф. Спиридонова, М. В. Фаликман. М.: Языки славянских культур, РГГУ, 2012. С. 303–310.*

методы иллюзионистов научному исследованию, нейрофизиологи изучают как именно определенные приемы воздействуют на мозг и когнитивные процессы.

Наблюдая за фокусом, нам кажется, что мы способны удержать все элементы трюка в поле нашего зрения, даже если отвлекаемся от него на долю секунды и вновь возвращаемся к наблюдению. Однако в действительности это не так. Наблюдатели часто не могут обнаружить изменения, даже когда внимание непосредственно направлено на изменяющийся объект. В процессе демонстрации фокуса, иллюзионисты используют либо явное, либо скрытое перенаправление внимания наблюдателя от какого-либо совершающегося им тайного действия. Просьба иллюзиониста посмотреть на определенный объект – пример явленного перенаправления внимания. В случае же скрытого перенаправления, фокус внимания наблюдателя так же пытаются отвести прочь от совершаемого, однако при этом целенаправленно его взгляд может не отводиться.

Нейрофизиологи выделяют несколько видов скрытого перенаправления внимания. Один из таких видов – «слепота к изменению», когда люди склонны или даже не способны замечать изменения в наблюдаемой ими сцене. Для наступления данного эффекта вовсе не требуется какое-то незначительное изменение, которое зачастую действительно сложно заметить. Эксперименты показывают, что даже разительная перемена способна остаться незамеченной в случае кратковременного прерывания внимания наблюдателя, например, путем мигания экрана, яркой световой вспышки, заслоняющего полотна и т.д.

Американские психологи Д. Саймонс и Д. Левин провели эксперимент, демонстрирующий, что слепота к изменению имеет место и в реальной жизни. В проводимом ими исследовании была создана ситуация, в которой экспериментатор спрашивает дорогу у незнакомца на территории университетского кампуса. Их взаимодействие прерывается тем, что двое

рабочих проносят между говорящими дверь так, что экспериментатор оказывается заслонен от своего собеседника. В это время первый экспериментатор подхватывает задний конец двери, тем самым меняясь местами с «рабочим», который изначально ее нес. В результате, испытуемый не замечает никакой «подмены» и с тем же успехом продолжает вести начатый диалог⁴. Только 7 из 15 испытуемых заметили подмену, другие же – были весьма удивлены, узнав, что человек, с которым они взаимодействуют, был совсем не тем, кто начал с ними разговор. На основании проведенного эксперимента, был сделан вывод, согласно которому люди способны не замечать изменений центральных объектов наблюдаемой ими сцены, даже если это изменение происходит почти мгновенно, во время естественного хода текущего события: «если бы "слепота к изменению" была следствием пассивной природы опосредованных стимулов, то подобные подмены собеседника в реальном мире должны были обнаруживаться»⁵. Однако этого не происходит, что говорит о том, что зрительная репрезентация окружающего мира не является достаточно точной.

В случае же «слепоты по невниманию», необходимости сравнивать текущую обстановку со сценой из памяти, нет. Слепота невнимания, или другое ее название «перцептивная слепота» (англ. *Perceptual blindness*), ложная слепота – это психологический феномен, характеризующейся неспособностью индивида обращать внимание на какой-либо объект. Подобный феномен наблюдается у любого индивида и не свидетельствует о наличии каких-либо когнитивных расстройств, проблем со зрением и других недугов, а объясняется исключительно психологическими причинами. В подтверждение приводится классический для психологии пример Д. Саймонса и К. Шабри, известный как эксперимент «невидимая

---

⁴ Фаликман М., Спиридонов В. Когнитивная психология: история и современность // М.: Ломоносовъ. – 2011. С. 284

⁵ Там же. С. 286

горилла»⁶. Считая количество подач одной из команд, 50% респондентов не замечают того, как человек в костюме гориллы проходит через всю площадку и даже на какое-то время останавливается и бьет себя в грудь. Чрезмерная концентрация внимания на подсчете количества передач игроков, не позволяет испытуемым заметить гориллу в момент, когда они буквально смотрят прямо на нее. Слепота по невниманию может представлять большую опасность в обыденной жизни, например, для автомобилистов. Отвлекаясь на сторонние предметы, разговоры с пассажирами, водитель может не заметить внезапно возникшего препятствия на дороге или других участников дорожного движения. Таким образом, занимаясь изучением ограничений и ошибок человеческого восприятия, нейромагия пытается применить полученные результаты в обыденной жизни, где широко распространены различные профессиональные и бытовые ошибки, возникающие из-за особенностей нашей когнитивной системы.

Фокусы иллюзионистов – искусственно созданная среда, сравнимая с экспериментом, проводимым в лаборатории. Однако с иллюзиями, «ошибками» восприятия, мы сталкиваемся и в обыденной жизни. Что такое зрительные иллюзии, как и почему мы их видим, являются ли они субъективными особенностями нашей перцептивной системы или же существуют объективно, возможно ли вообще познание мира таким, каков он есть на самом деле? – подобные вопросы обсуждались в философии, начиная с Античности. Известен релятивистский тезис Протагора: «Как кому что-то кажется, так оно и есть». Однако дальнейший ход развития философской мысли все же имел онтологическую направленность: знание разграничивалось от мнения и заблуждения, реальность – от иллюзии. Стало считаться, что мир определяет возможности его познания субъектом.

---

⁶ Шабри К., Саймонс Д. Невидимая горилла, или История о том, как обманчива наша интуиция. М.: Карьера-пресс, 2011.

Проблема восприятия зрительных иллюзий подробно начинает разрабатываться одновременно с формированием психологии восприятия как научной дисциплины (Г. Гельмгольц, Э. Геринг, В. Вундт, К. Коффка и др.). Изучение зрительных иллюзий до сих пор является одной из тенденций развития современной мировой науки. Здесь можно отметить имена классиков психологии – Р. Грегори и Дж. Гибсона, об идеях которых подробнее будет сказано далее. В течение последних 50 лет интерес к феномену зрительных иллюзий увеличивается с каждым годом: создаются специализированные научные лаборатории по изучению данного феномена, формируются междисциплинарные направления (например, упомянутая ранее нейромагия), где зрительные иллюзии служат основным методическим материалом исследований, создаются узкоспециализированные секции на научных конференциях (секция «Зрительные иллюзии» на международной конференции по зрительному восприятию – Europe Conference of Visual Perception). Интересно, что существует даже премия на лучшую иллюзию года⁷, организованная научным сообществом (Neural Correlate Society), которые занимаются тем, что пытаются обнаружить основы иллюзорного восприятия и далее применить полученные результаты в области медицины, искусства, а также повышая общую осведомленность людей касательно данного феномена.

Таким образом, кроме решения практических задач, проблема восприятия зрительных иллюзий в первую очередь является востребованной в связи с тем, что ее решение помогает дополнить существующие исследования о процессах формирования адекватных и искаженных зрительных образов. Актуальность изучения иллюзий диктуется и со стороны современных нейронаук, поскольку было доказано, что между феноменами зрительного восприятия и особенностями функционирования мозговых процессов существует тесная связь. Кроме

---

⁷ <http://illusionoftheyear.com>

того, рассмотрение проблемы зрительных иллюзий дает материал для моделирования систем искусственного интеллекта, современных технологий стереозрения (одна из которых – технология виртуальной реальности), разработок в области восприятия трехмерных (3D) виртуальных сцен, все больше присутствующих в кино и компьютерных играх.

1.2. Конструктивистский подход к изучению феномена зрительных иллюзий: Г. фон Гельмгольц, Р. Грегори

На современном этапе, исследование проблемы перцептивных иллюзий обладает рядом особенностей, одна из которых – прояснение самого определения иллюзии, понятия. Иллюзия от лат. Illudere – заблуждение, ошибка. Суть феномена иллюзорного восприятия состоит в искажении восприятия реальных предметов. Анализируя современную литературу, можно выделить два вида определений: иллюзии понимаются либо как ошибочная оценка свойств предмета, либо как изменение восприятия под воздействием необычных условий наблюдения⁸. То есть, для удобства иллюзии можно разделить на те, которые были вызваны физическими причинами и иллюзии, возникающие из-за особенностей нашей перцептивной системы, такие иллюзии называются когнитивными.

Следующий вопрос – почему возникают иллюзии? По мнению британского психолога Р. Грегори, «ошибки восприятия (иллюзии) могут возникать по причине того, что знание не соответствует ситуации, в которой применяется»⁹. Предметом споров в обсуждении данного вопроса является гипотеза, согласно которой прошлый опыт вносит существенный вклад в процесс восприятия. Так, подобную точку зрения отстаивал немецкий

---

⁸ Меньшикова Г. Я. Зрительные иллюзии: психологические механизмы и модели // Дис. на соиск. уч. степени доктора психол. наук. – 2013.

⁹ Фаликман М., Спиридонов В. Когнитивная психология: история и современность // М.: Ломоносовъ. – 2011. С. 218.

ученый-энциклопедист Герман фон Гельмгольц (1821 – 1894), последователем которого является и сам Грегори.

Согласно Гельмгольцу, зрительные восприятия – это ощущения, вызванные светом в нервном аппарате зрения и используемые нами для формирования представлений о существовании, форме и положении внешних объектов¹⁰. В случаях же необычного стимулирования, возникают искаженные представления об объектах, названные иллюзиями органов чувств. Однако возникновение подобных искажений не определяется неправильным функционированием органов чувств и соответствующих нервных механизмов, поскольку и те, и другие работают согласно постоянно действующим законам. «Первичное» восприятие является истинным, источник иллюзий – это прежде всего опыт и интерпретации содержания чувственных ощущений, которую Гельмгольц называет «бессознательными умозаключениями».

Они являются «бессознательными», поскольку, как пишет Гельмгольц, «психическая деятельность, заканчивающаяся выводом, что перед нами в определенном месте находится определенный объект с определенными свойствами, как правило, является неосознанной деятельностью»¹¹. По своему результату, такой вывод можно уподобить умозаключению по аналогии: мы делаем вывод, что перед нами стол, поскольку ранее в опыте неоднократно сталкивались со столами разных форм, цветов и размеров. Однако в отличие от логического умозаключения, эта психическая деятельность происходит неосознанно, поэтому в некоторых случаях может вызывать некоторые сомнения. Таким образом, процесс зрительного восприятия рассматривается по аналогии с мышлением (восприятие как умозаключение), где малой посылкой служит первичный образ (то, что на нас воздействует сейчас), большой посылкой – образ-представление,

---

¹⁰ Психология ощущений и восприятия / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и др. – изд. 2-е, исправленное и дополненное. – М.: «ЧеРо», 2002. С. 21.

¹¹ Там же. С. 23.

который формируется на основе всего нашего предыдущего опыта, а вывод – это перцептивный образ, т.е. то, что мы воспринимаем в результате. На основании вышесказанного, можно сделать вывод, что если мы воспринимаем что-то не так, как оно есть на самом деле, – это ошибка бессознательного умозаключения.

Еще одна особенность бессознательных умозаключений состоит в том, что они неопределимы, т.е., мы не можем избавиться от них путем более глубокого анализа ситуации, понимания действительного хода вещей. Это объясняется тем, что они не являются свободными актами сознательного мышления, поэтому зачастую, при понимании «механизма» работы иллюзии сама же иллюзия при этом не исчезает.

Вопрос о степени соответствия наших образов с самими объектами как они есть на самом деле, о том, верны ли наши образы или нет, для Гельмгольца не корректен: «Представления и его объект принадлежат, очевидно, двум совершенно различным мирам, которые в такой же степени не допускают сравнения друг с другом, как цвета и звуки, буквы в книге и звучания слов, которые они обозначают»¹². Поскольку наши образы и представления появляются в результате воздействия объектов на наше сознание и нервную систему, то результат такого действия должен зависеть как от природы воздействующего объекта, так и от специфических характеристик того, на кого это воздействие оказывается. Если мы предполагаем, что представление воспроизводит точную природу воздействующего объекта, мы допускаем, что результат этого действия совершенно не зависит от природы объекта, на который это действие было направлено, что, по мнению Гельмгольца, является абсурдом. Человеческое представление всецело зависит и обусловлено особенностями воспринимающего субъекта. Наши представления – это символы, субъективно отражающие объективно существующие предметы. «То, что

---

¹² Там же. С. 37

представления не равны вещам, заложено в природе нашего знания. Представления лишь отражения вещей, и образ является образом некоторой вещи лишь для того, кто умеет его прочесть и составить на его основе некоторое представление о вещи. Каждый образ подобен своему объекту в одном отношении и отличен в другом, как это имеет место в живописных полотнах, статуях, музыкальной или драматической передаче определенного настроения и т.д. Представления о мире отражают закономерные последовательности внешних явлений. Если они сформированы правильно, по законам нашего мышления, и мы в состоянии с помощью наших действий правильно перевести их назад в действительность, то такие представления являются единственно верными и для нашего понимания. Все же другие представления были бы неверными...»¹³. Поэтому, по мнению Гельмгольца, бессмысленно спрашивать какого цвета роза и действительно ли мы наблюдаем красный цвет, когда смотрим на нее. Ощущение красного – это адекватная реакция глаза на свет, который отражается от поверхности. А по причине того, что зрительный аппарат большинства людей устроен определенным образом, мы приписываем объекту определенный цвет. С тем же основанием, человек с особенности зрения (например, с дальтонизмом), приписывает объекту черный цвет вместо красного. В этом случае, мы не можем назвать отраженный от розы цвет действительно красным, поскольку таким он является лишь для определенного типа глаз.

Таким образом, возвращаясь к проблеме иллюзий, позиция Гельмгольца касательно этого вопроса такова: итоговый образ восприятия, если он не соответствует воздействию, – это продукт работы психики, поскольку первичное воздействие на сетчатку всегда соответствует оказываемому воздействию со стороны предмета.

---

¹³ Там же. С. 40.

Грегори разделяет позицию Гельмгольца так же, как и он, утверждая, что прошлый опыт *необходим* для зрительного восприятия, так как образ на сетчатке не является однозначным по своей природе: мы не можем определить форму, размер предмета, расстояние до него, основываясь только на данных изображения сетчатки. Вместе с тем, многие свойства предмета, являясь для живого существа жизненно важными, не даны нам зрительно – вес, температура, является ли съедобным данный предмет или же он ядовитый и т.д. Поведение индивида не определяется одной сенсорной информацией, так как она недостаточно полна. Мы воспринимаем объекты внешнего мира и действуем не столько в соответствии с тем, что ощущаем, сколько с тем, о чем только догадываемся: «Человек кладет книгу не на "темно-коричневое пятно", он кладет ее на стол. Догадка преобразует темно-коричневое пятно, ощущаемое глазами, или твердый край, ощущаемый пальцами, в стол – нечто более значащее, чем любое пятно или край. Темно-коричневое пропадает, когда мы отворачиваемся, но мы уверены, что стол и книга находятся по-прежнему там, где были»¹⁴.

В этом контексте Грегори вспоминает философа Джорджа Беркли и его постулат *esse est percipi* – существовать, значит быть воспринимаемым. Согласно Беркли, материальные вещи существуют только потому, что мы их воспринимаем. Физические объекты – не что иное, как комбинации чувственных данных, названные им «идеями». Идеи воспринимаются нашими умами и не существуют вне их, поскольку существование идеи всецело определяется одной ее воспринимаемостью. Исходя из этого, получается, что вещь ведет «прерывистый» образ жизни: когда мы отворачиваемся от нее, она исчезает, поскольку мы перестаем ее воспринимать. Чтобы снять эту проблему, Беркли вводит абсолютного Духа, или Творца природы. Так предметы существуют постоянно,

---

¹⁴ Грегори Р. Л. Разумный глаз. – М : УРСС, 2003. С. 12.

поскольку Бог непрерывно наблюдает за ними. Беркли подводит Грегори к вопросу, обсуждению которого будет посвящен не один труд психолога, а именно – как мы узнаем то, что нам не дано в ощущениях?

Согласно общепринятой психологической теории, первая ступень восприятия – сетчатка глаза. Находящиеся на ней механизмы реагируют на особые паттерны – узоры предметов, лежащих на сетчатку. Однако в действительности наше зрение воспринимает нечто более значительное, чем паттерн, а именно, существующие во времени и пространстве, предметы. Возникает проблема: если восприятие выводится из паттернов возбуждения на сетчатке, то мы бы не смогли отличить предмет от того, что его окружает, т.е. разграничить предмет, на который направлено наше внимание, от фона. Хорошо известен зрительный феномен «чередования фигуры и фона» Эдгара Рубина, на рисунках которого любая форма воспринимается как объект, но по причине того, что фигуры разграничены общей линией, происходит «соперничество» форм: то, что ранее воспринималось как фон начинает восприниматься как объект, а то, что являлось объектом – фоном. В связи с этим, у Грегори справедливо возникает вопрос: если мы постепенно увеличиваем количество данных, которые показывают, что данная форма является объектом, то каким образом данные паттерны «внушают» нам о содержащихся в них объектах. Так, мы воспринимаем паттерны, которые характерны для облаков, листьев, земной поверхности и др. Хотя иногда случается и обратное, когда в проплывающих мимо облаках, мы видим очертания какого-либо знакомого нам живого, а на мраморной плитке заметно выделяются очертания человеческих лиц. Таким образом, мы вполне можем воспринимать паттерны совершенно не выделяя в них никаких объектов¹⁵.

Своими разработками о принципах соотношения фигуры и фона, Эдгар Рубин значительно повлиял на развитие гештальтпсихологии в начале XX

---

¹⁵ Там же. С. 17-18.

века. Опираясь на философские построения И. Канта об априорных формах созерцания, а также на феноменологию, развивающуюся параллельно, гештальт-психологи выдвигали программу изучения априорных качеств целостных форм (Gestaltqualitaeten) или теории перцептивной организации. Исходной посылкой данной теории выступает принцип несводимого целого к сумме своих частей. Например, таким качеством целостности обладает мелодия, которая, по мнению одного из основателей гештальтпсихологии В. Келера, будет легко узнаваться нами даже при проигрывании в другой тональности, хотя на первый взгляд кажется, что при смене физических звуков, должны изменяться и предполагаемые сенсорные составляющие восприятия – ощущения. Подобная целостность стала обозначаться немецким словом Gestalt – форма, фигура. Целостным гештальтом является любое наше восприятие, однако, если мы говорим о зрительном восприятии, то под гештальтом понимаем равновесно организованное зрительное поле.

Поскольку образцом научных исследований для гештальт-психологов стала физика (преимущественно влияние Э. Маха), окружающий мир описывался языком силовых взаимодействий, в числе которых выделяются два типа сил – связывающие, соединяющие все элементы в единое целое, и сдерживающие, те, которые не дают всему окружающему миру сжаться в одну точку. Гештальт же служит достижением равновесия между этими силами. Мы можем заметить это в том случае, когда имеет дело с какими-либо конфигурациями. Гештальт-психологи показывали это с помощью фигур, составленных из точек: например, мы легко узнаем треугольник даже тогда, когда его стороны не замкнуты. Объяснением данного феномена выступает т.н. закон прегнантности, закон целостной фигуры, согласно которому, мы воспринимаем определенную конфигурацию на месте случайно разбросанных точек постольку, поскольку элементы сгруппированы определенным образом – на основании общности, близости, сходства друг с другом, принадлежности к общей области и т.д.

Возражений по поводу того, что случайное способно организовываться в целое, не возникает. Новизна исследовательской программы гештальтпсихологии состоит именно в том, что они являлись первыми, кто призвал двигаться «от сложного к простому», а не наоборот. Объектом критики же служит тот факт, что данные «организующие принципы» являются врожденными, унаследованными. Индивидуальному опыту не придавалось особого значения.

В теории гештальтпсихологов и более поздним подходом к пониманию восприятия Грегори есть определенные параллели. Анализируя построения Рубина, Грегори приходит к выводу, согласно которому тот факт, что на рисунках происходит самопроизвольное чередование фигур и фона может свидетельствовать только о том, что для восприятия, помимо световой стимуляции сетчатки, также необходим процесс соответствующий переработке, интерпретации поступающей информации. По мнению психолога, эта работа осуществляется мозгом и является гипотетической попыткой человеческого разума ответить на вопрос, что есть данный объект?

Подобно тому, как чередуются фигура и фон, одни и те же формы могут восприниматься в разное время как разные объекты. Для демонстрации того, что видимые формы не совсем однозначны, стоит вспомнить эксперименты американского психолога Э. Эймса, известного своими моделями, одна из которых – знаменитая комната Эймса. Комната Эймса сконструирована таким образом, что если мы наблюдаем помещение одним глазом через специальное отверстие, расположенное в определенной, критической точке, то наблюдаемая сцена выглядит как обычная комната кубической формы. В действительности же, истинная форма комнаты представляет собой трапецию – ее противоположная стена повернута таким образом, что левый угол располагается дальше, чем правый, потолок и пол также находятся под наклоном. В результате данной иллюзии, наблюдатель видит, что человек, стоящий в одном углу, выглядит совершенно

гигантским по сравнению с крошечным человеком в другом углу комнаты. Перед глазом наблюдателя возникает дилемма: что имеет место быть на самом деле – искажение комнаты или разный рост людей? Наблюдая комнату привычной кубической формы (которая на самом деле таковой не является), мозг делает неверный вывод. Интересно, что женщина, наблюдающая своего супруга в этой комнате, замечает иллюзию, т.е. видит комнату искаженной, а мужчину – привычного роста¹⁶.

Исходя из этого, Грегори допускает: «...процесс восприятия предусматривает выбор (всегда спорный, нечто близкое к пари) той интерпретации сенсорных данных, которая является вероятной, если исходить из мира реальных объектов. Перцепция строит что-то вроде гипотез, с помощью которых из сенсорных данных выводится объективная реальность. К тому же поведение не полностью контролируется сенсорными данными, а основывается на допущениях, выведенных в процессе восприятия из этих данных. Это становится ясным из анализа повседневного опыта: я кладу книгу на стол, не проверяя предварительно, выдержит ли он книгу. Я действую в соответствии с тем, как представляю себе физический объект – стол, а не в соответствии с тем коричневым пятном, которое находится в моем глазу, когда я смотрю на поверхность стола. Таким образом, процесс восприятия включает своего рода «блок принятия решений», то есть разум»¹⁷. Эти гипотезы в сущности есть то же, что и «бессознательные умозаключения» Гельмгольца.

Таким образом, восприятие, согласно Грегори, – это процесс выбора подходящей гипотезы о внешнем объекте. Подобные перцептивные эталоны, накладывающиеся на сенсорную информацию в процессе восприятия, были названы «объект-гипотезы», или более обще – перцептивные гипотезы. Данные перцептивные гипотезы об объекте врожденны, но их дальнейшее формирование происходит в процессе

---

¹⁶ Там же. С. 36.

¹⁷ Там же. С. 39.

взаимодействия индивида с окружающим миром. Кроме того, важной функцией объект-гипотезы, как и всякой научной гипотезы, является способность предсказывать будущие события: «Описывая восприятие как процесс выбора "гипотез об объектах", мы не заимствуем легкомысленно понятие "гипотеза" из языка научных исследований. Любая научная гипотеза лишь тогда имеет силу, когда она способна предсказывать будущие события. То же самое должно быть относительно перцептивных гипотез; именно их предсказательная сила дает возможность организмам побеждать врагов и природу. Предсказания позволяют планировать действие до того, как настанет время действовать»¹⁸. Таким образом, согласно Грегори, «правильно видеть» значит подбирать такие объект-гипотезы, которые будут не только удовлетворять текущим фактам, но и предугадывать будущие события.

В случае же ошибочного выбора объект-гипотезы возникает зрительная иллюзия, рассмотрению которых посвящена работа Грегори «Разумный глаз» (1970). Поскольку перцептивные гипотезы предсказывают не воспринимаемые явно характеристики об объекте, то ошибки восприятия возникают вследствие того, что имеющееся у индивида знание не соответствует ситуации, в которой оно применяется в данный момент, хотя «физиологические механизмы» зрения работают адекватно.

Грегори делает попытку классификации иллюзий, разделяя их на четыре класса, которые, в свою очередь, если мы систематизируем их по более общему основанию причин, вызывающих данные иллюзии, делятся на вызванные физическими явлениями и вызванными особенностями когнитивной системы. По внешним признакам иллюзии могут быть разбиты на классы, названия которых справедливы и для существующих языковых ошибок: неоднозначности, парадоксы, искажения и фикции¹⁹. Грегори

---

¹⁸ Там же. С. 78.

¹⁹ Фаликман М., Спиридонов В. Когнитивная психология: история и современность // М.: Ломоносовъ. – 2011. С. 221.

признает, что, несомненно, дать иллюзиям адекватную классификацию сложно, поскольку многие объяснения данных феноменов спорны или до сих пор окончательно не найдены. Однако даже самая приблизительная классификация, где будет выработан критерий, который позволит классифицировать иллюзии по внешним признакам и причинам их появления, поможет в поисках ответов и, к тому же, даст почву для новых экспериментов.

Таким образом, Грегори предлагает разделить все иллюзии по внешним проявлениям и причинам их возникновения на четыре класса: 1) иллюзии, вызванные искажением светового потока между сетчаткой и объектом – оптические иллюзии; 2) иллюзии, возникающие при передаче сенсорных сигналов, идущих от глаза к мозгу – т.н. нервные искажения; 3) и 4) классы существенно отличаются от первых двух, так как связаны с когнитивной обработкой информации и использованием наших собственных знаний с целью придания поступившим нервным сигналам вида предметных свойств восприятия, которые, в свою очередь, разделяются на общие правила, или перцептивные законы, и частные специфические знания о предмете.

Поскольку Грегори, как психолог, рассматривает преимущественно когнитивные иллюзии, вызванные неправильным приложением знания к текущей ситуации, а не иллюзии, причина которых – физические явления (туман, мираж, радуга и т.д.), то в качестве примера стоит рассмотреть один иллюстративный пример такой перцептивной ошибки – иллюзия, основанная на восприятии вогнутой маски. Внутренняя вогнутая поверхность маски кажется выпуклой, если мы смотрим на нее с расстояния больше метра. Чтобы разобраться в причинах возникновения этой иллюзии, стоит остановиться на модели восприятия, которую Грегори представил в виде трехмерного заполненного черного ящика.

Для современной когнитивной науки характерно представление о двух информационных «потоках» переработки информации в ходе восприятия, которые предстают в виде восходящих (bottom-up) и нисходящих (top-down)

процессов. Восходящие процессы понимаются как ведомые входящей информацией, внешним воздействием, оказываемым на наши органы чувств: зрительные, слуховые и другие рецепторы. Исходя из получившей широкое распространение в последние годы биологической метафоры, входящие процессы проходят путь от органов чувств через подкорковые структуры к коре головного мозга²⁰. Нисходящие же потоки представляют собой процессы, которые осуществляются на основе уже имеющийся у субъекта восприятия информации, концептуальном и перцептивном знании об объектах, т.е. эта линия воздействия определяется тем, что мы уже знаем, что от нас хотят в данный момент, в каком контексте предъявляется воздействие и т.д. В результате взаимодействия восходящих и нисходящих процессов, мы получаем то, что в конечном итоге увидим, воспримем.

К существующей схеме Грегори добавляет линию т.н. «горизонтального» влияния. Данные «горизонтальные» процессы характеризуются влиянием общих правил восприятия, которые, как и индивидуальный опыт, относятся к знанию, которое уже было приобретено ранее. Однако, в отличие от специфического опыта, общие правила восприятия применяются ко всем объектам окружающей действительности – к таким правилам относят закон перспективы, законы гештальтпсихологии и др. Выходным сигналом данной модели служит сигнал к определенному поведению при исследовании объектов. Вследствие обратной связи от наших действий в среде, методом «проб и ошибок», происходит перцептивное научение.

Возвращаясь к изложенной выше иллюзии с маской, неоднозначность выступает по причине того, что восходящий поток информации (сенсорный сигнал) вступает в конфликт с нисходящим (знание о том, как выглядит человеческое лицо). Мы знаем, что в обыденной жизни вогнутых человеческих лиц не бывает, поэтому нисходящий поток получает

---

²⁰ Фаликман М. В. Структура и динамика зрительного внимания при решении перцептивных задач: конструктивно-деятельностный подход // М.: МГУ. – 2015.

приоритет, и вогнутое лицо маски превращается в выпуклое, и наоборот. Так происходит всякий раз, когда движущаяся маска достигает критической точки между наблюдателем и ею самой.

Подобно тому, как женщины видели своих супругов в комнате Эймса в полном соответствии с их реальным ростом, так и некоторые иллюзии воспринимаются не во всех случаях и не всеми. Это указывает на тот факт, что иллюзии не носят универсальный характер и, что доказывает Грегори, восприятие подобных иллюзорных искажений напрямую зависит от предварительного зрительного опыта. Помимо некоторых врожденных объект-гипотез, многие из них в значительной мере формируются в процессе взаимодействия с окружающим миром. Именно от набора таких гипотез зависят дальнейшие возможности восприятия. Так, одни и те же иллюзии представители разных культур могут воспринимать по-разному.

Люди западного мира живут в зрительной среде, широко наполненной признаками перспективы: шоссе и железные дороги, которые представляют собой параллельные линии, сходящиеся в перспективе, прямоугольные комнаты, многообразие прямых углов окружающих нас предметов – столов, ящиков, оконных рам и др. В соответствии с этим, на нас работают все иллюзии, основанные на восприятии перспективы. Наиболее знаменитая из них – иллюзия Мюллера-Лайера, или иллюзия стрелы. В классическом варианте этой иллюзии, на рисунке изображена пара стрел одинакового размера, однако одна стрела имеет основание с расходящимися концами, другая – со сходящимися. Стрела с расходящимися концами кажется длиннее, хотя в действительности обе стрелы одинаковой длины. На основании этого, Грегори делает предположение, что подобные иллюзорные искажения являются следствием того, что мы неверно оцениваем размер и расстояние до объекта. Так как перспектива дается в плоскости (рисунок на бумаге), то привычная нам шкала размеров, применяющаяся нами в обыденной жизни, здесь устанавливается неверно. Поэтому в иллюзии Понцо, известной как

иллюзия со сходящимися в перспективе железнодорожными путями, расположенный на рисунке верхний брусок, мы видим больше, чем нижний, поскольку компенсация уменьшения, в нормальных условиях приводящая к постоянству размеров, здесь оказывается неподходящей, хотя величина изображений отдельных брусков одинакова.

Зулусы, представители «неперспективного мира», которых рассматривает в своем эксперименте Грегори, живут в мире круглых объектов: «...их жилища круглые, двери тоже круглые, они распахивают свою землю не прямыми, а закругленными бороздами, и лишь немногие предметы их обихода обладают углами или прямыми линиями». Показав зулусам иллюзию стрелы и ж/д путей, было обнаружено, что они испытывают искажения лишь в некоторой степени, в то время как другие иллюзии у них попросту не возникают. Человек, живущий большую часть своей жизни в лесу, оказавшись на поле, будет воспринимать объекты, расположенные на большом расстоянии не как удаленные, а как маленькие. Таким образом, причины возникновения иллюзий обнаруживают прямую зависимость от предварительного зрительного опыта индивида.

Однако, что мы видим, когда сталкиваемся с необычными предметами? Или, как отмечает Грегори, данный вопрос для психологов звучит так: можем ли мы воспринимать прежде, чем мы научимся тому, как воспринимать?²¹ Экспериментальная психология традиционно разделяет реакции на врожденные (знания без предварительно полученного опыта) и приобретенные (знания, полученные путем наблюдений). Если восприятие животных, стоящих на низших ступенях эволюции, почти что полностью состоит из врожденных реакций, то доказательство того, что искусственные или экологически несуществующие формы могли бы «узнаваться» без предварительного обучения, нет. Еще Гельмгольц утверждал, что для того, чтобы «правильно» видеть, необходимо *научиться* видеть. Анализируя ряд

---

²¹ Психология ощущений и восприятия / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и др. – изд. 2-е, исправленное и дополненное. – М.: «ЧеРо», 2002. С. 585.

экспериментов, Грегори в своей работе «Глаз и мозг», в главе под названием «Нужно ли нам учиться видеть?», приходит к выводу, что роль обучения в восприятии действительно оказывается ведущей. Находясь в различных ситуациях, где имело место какое-либо смещение сетчаточных изображений, в перцептивной системе индивида происходили существенные модификации для компенсации возникших изменений (за исключением случаев, где изображение смещалось во времени). Только человек (и высшие приматы) способен адаптироваться к необходимо возникшим условиям, что главным образом свидетельствует об активности процесса восприятия: «...очевидно, что перцептивная система человека обладает большой гибкостью и способна адаптироваться к новым условиям. А это очень важно для приспособления к изменяющемуся миру»²².

Существует опасение, что человек создаст такой воздействующий на его органы чувств мир, что при попытках осмыслить его (а процесс восприятия не существует без разумного осмысления того, что мы видим), у него не найдется соответствующих объект-гипотез, в результате чего – «в этом мире мы не сможем видеть»²³. По моему мнению, подобное беспокойство может быть снято, исходя из постулата об активности нашего восприятия. Мир не перестанет существовать для воспринимающего, поскольку сам воспринимающий способен адаптироваться к возникшим условиям. Мысль о взаимодействии воспринимающего с внешним миром, об активности восприятия, принадлежит автору так называемого «экологического подхода» – американскому психологу Дж. Дж. Гибсону, о чем принципиально новом подходе к восприятию будет сказано далее.

1.3. «Экологический подход» к восприятию Дж. Гибсона

Дж. Гибсон, отказываясь от традиционного понимания состояний и содержания ментальных процессов, формулирует совершенно новую

---

²² Там же. С. 615.

²³ Грегори Р. Л. Разумный глаз. – М : УРСС, 2003. С. 211.

парадигму когнитивных исследований, стоящую на позициях эпистемологического реализма.

К началу становления когнитивистики как области научного исследования, в понимании восприятия выделилось два подхода, исходящих из противоположных друг другу предпосылок: идея «непрямого восприятия» и «прямого восприятия», или «прямого реализма». Для непрямого, или конструктивистского подхода, исходной задачей являлась интерпретация ощущений, которые вызываются отдельными стимулами. Еще исторически восприятие как чувственное познание предметов и объективных ситуаций, субъективно представляемое непосредственным, понималось как совокупность элементарных единиц чувственности – ощущений, чувственных данных. Однако, если для представителей эмпиристского сенсуализма опыт сам создает ассоциации ощущений, т.е. восприятие происходит без активности самого субъекта, то для интеллектуалистов субъект играет активную роль в восприятии, строя, конструируя его, при этом сама сенсорная информация обрабатывается с помощью определенных правил или эталонов. С появлением же когнитивной науки в 60-е годы XX в., восприятие стало рассматриваться по аналогии с мышлением, пониматься как его разновидность. Появилась идея о том, что построение восприятия предполагает деятельность мозга на основе репрезентаций сознания²⁴. Так, поскольку ощущения, как «следы» воздействия внешнего мира на сенсорную систему, явно не являются неоспоримыми и несомненными единицами опыта, то представители идеи непрямого реализма были вынуждены постулировать определенные процессы их коррекции с помощью мышления или памяти (например, «бессознательные умозаключения» Гельмгольца). В подтверждение этому, можно привести построения Дж. Брунера, Грегори и других представителей когнитивной психологии, для которых восприятие – это всегда процесс

---

²⁴ Лекторский В.А. Познание, действие, реальность // Вопросы философии. 2017. №9

осмысления, категоризации того, что воспринимается. В процессе этого происходит принятие интеллектуального решения, вне которого восприятия не произойдет.

Точка зрения прямого реализма была сформулирована в середине XX в. Дж. Гибсоном. Гибсон радикально порывает с основными постулатами, установленными в рамках философской и психологической традиции изучения восприятия. Во-первых, это мнение о том, что помимо самого процесса восприятия, существует и отдельно данный его результат – продукт, «идеальный объект», перцепт. Это специфическое идеальное образование, существующее исключительно в сознании субъекта, должно каким-то образом соотноситься с реальностью, т.е. субъект должен «спроецировать» полученный образ на внешний мир. Вопрос того, как и на каких основаниях возможно это соотнесение, был предметом продолжительных споров. Внешний мир понимался как своеобразный пусковой механизм, который, воздействуя на органы чувств, оставлял определенные «следы», а после этого не играл никакой роли. На основании этого, остается непонятным, как воспринимающий субъект может иметь дело с реальностью, если то, что ему непосредственно доступно, – не внешний мир, а его собственные субъективные состояния. Даже в случаях, когда субъект понимается как активный конструктор, он остается замкнут в рамках собственного сознания.

Гибсон начинает исходить из того, что восприятие – это активный процесс извлечения информации о внешнем мире, а не «обработка» следов воздействия мира на сенсорную систему познающего, поэтому важно понимать восприятие не как процесс, который происходит «внутри», в сознании субъекта, а рассматривать его во взаимодействии с окружающим миром. Неслучайно лозунг последователей Гибсона звучит как: «Не

спрашивай, что внутри твоей головы, а спрашивай, внутри чего твоя голова»²⁵.

Своему новому подходу Гибсон дает название экологической психологии. Модель восприятия названа «экологической», поскольку согласно Гибсону процесс восприятия происходит не в искусственно созданных условиях лабораторного эксперимента, а в комплексной среде окружающей действительности. Без предварительного уточнения того, что может восприниматься, а что нет, мы ничего не можем сказать о самом процессе восприятия, поэтому отправной точкой исследования служит описание окружающего мира. Важно понимать, что физическое «пространство», объемлющее все сущее, является совсем не тем миром, который окружает человека или животного в их повседневной жизни. В процессе жизнедеятельности мы сталкиваемся с событиями или предметами, взаимодействуя с которыми, мы воспринимаем и познаем себя и мир вокруг, но наши органы чувств никак не способны обнаружить предметы физического микро- или макрокосма, которые находятся далеко за пределами доступа наших воспринимающих систем.

Так как восприятие и поведение живых существ исходит из тех возможностей, которые перед ними открывает окружающий мир, то для более полного описания этого мира Гибсон вводит триаду: среда – вещества – поверхности. Среда выступает как то «пространство», где можно беспрепятственно передвигаться с места на место, слышать, видеть и обонять вещества. Вещества – это многообразные соединения, которые выступают как необходимое условие поведения живых существ, обеспечивая возможность питаться и осуществлять производственную деятельность. Отличать вещества друг от друга мы умеем во многом благодаря тому, что можем видеть их поверхности. Поверхности, в свою

---

²⁵ Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. – Т. 1. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. С. 164.

очередь, это то место, где разворачиваются основные события, то, с чем соприкасается животное²⁶.

После описания окружающего мира Гибсон приступает к рассмотрению информации для восприятия, которой непосредственно располагает сам наблюдатель. Тот факт, что информацию для зрительного восприятия несет свет, психолог не ставит под сомнение. Но для изучения зрительного восприятия нам недостаточно ни физической, ни геометрической, ни даже физиологической оптики. По мнению Гибсона, изучение света в течение столетий так и не увенчалось созданием логически последовательного учения и для того, чтобы разрушить сложившиеся границы между этими дисциплинами, при этом переняв что-то у каждой из них, он создает собственную экологическую оптику, непосредственно связанную с наличной информацией для восприятия.

Основой для построения экологической оптики служит факт многократного отражения света в среде. По причине многократного отражения между небом, землей и поверхностями, излучение (предмет физической оптики) становится освещением (предметом экологической оптики). Важнейшее следствие этого факта – существование объемлющего света, то есть такого света, который окружает любую точку в пространстве, в которой находится наблюдатель. Если излучаемый свет – это энергия, то объемлющий свет может быть информацией, он задает окружающий мир, т.е., как пишет Гибсон, обладает структурой, тогда как у излучаемого света ее нет. Эта информация отражает одновременно как неизменные свойства окружающего мира, так и изменяющиеся. Кроме того, объемлющий свет несет информацию и о самом наблюдателе, а также действиях, которые он совершает. Поэтому в данном случае мы можем говорить о том, что перцептивное сознание неотделимо от самосознания.

---

²⁶ Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988. С. 43-65.

Таким образом, Гибсон отрицает традиционное допущение, основанное на том, что световая стимуляция является основой зрительного восприятия, а поступающие от нервных окончаний сигналы – это материал для последующей перцептивной обработки, осуществляемой головным мозгом. «Факты убеждают в том, что в стимулах как таковых информации нет, что ощущения светлоты не являются теми сенсорными элементами восприятия, а сигналы, поступающие на сетчатку, не являются теми сенсорными элементами, которые обрабатываются мозгом. Для зрительного восприятия, кроме стимуляции, требуется еще и стимульная информация»²⁷. Если объемлющий свет не структурирован, то, несмотря на то, что он стимулирует фоторецепторы глаза, никакой информации об окружающем мире он не дает. Кроме того, ошибочно сравнивать работу глаза с работой фотоаппарата, как это делали ранее, поэтому традиционные теории восприятия в данном случае попросту не работают: мы ищем объяснение восприятия не плоских форм и рисунков, а окружающего нас мира.

Исходя из этого, Гибсон делает вывод, что теория, объясняющая восприятие, главным образом должна основываться на извлечении информации, тем самым кардинально отличаясь от классических теорий восприятия. «Во-первых, она подразумевает новую концепцию восприятия, а не просто новую теорию этого процесса. Во-вторых, в ней оговорено, что именно должно восприниматься. В-третьих, она содержит новое представление об информации для восприятия, которая всегда присутствует в двух видах – в виде информации об окружающем мире и в виде информации о самом наблюдателе. В-четвертых, эта теория требует нового представление о воспринимающих системах, которые, частично дублируя друг друга в процессе работы, посылают сигналы в регулируемые органы и получают от них ответные сигналы... И наконец, в-пятых, извлечение оптической информации требует от системы такой активности, которую

---

²⁷ Там же. С. 92.

даже представить себе не могли ученые, прежде занимавшиеся зрением, – требуется одновременная регистрация постоянства и изменений в потоке структурированной стимуляции»²⁸.

Итак, согласно Гибсону, «воспринимать – значит фиксировать определенные параметры инвариантности в стимульном потоке наряду с определенными параметрами возмущения»²⁹. Инварианты задают как постоянство окружающей среды, так и постоянство наблюдателя. Возмущение же задает изменения. Восприятие – это всегда процесс непосредственного контакта с окружающим миром, процесс переживания окружающих нас предметов, а не просто процесс переживания сам по себе. Воспринимая, мы всегда осознаем что-то конкретное либо о внешнем мире, либо о нас, наблюдателях.

Как было отмечено ранее, при создании психологической концепции Гибсона, объектом критики выступала конструктивистская теория. Поэтому прежде, чем приступать к анализу понимания иллюзий в рамках экологического подхода, стоит более подробно зафиксировать отличия экологического и конструктивистского подходов, сравнив эти концепции между собой. Прежде всего, одним из основных отличий выступает оценка роли высших психических функций (такими функциями выступает внимание, память, мышление) в процессе восприятия. В рамках экологического подхода, для того, чтобы объяснить процесс восприятия, необходимости задействовать такие функции нет. Согласно Гибсону при извлечении информации, полученные «данные» не хранятся в памяти, поскольку они всегда есть в наличии³⁰. Само восприятие понимается как процесс, не имеющий конца – оно осуществляется непрерывно, поэтому с истечением времени восприятие не становится памятью. Когда сенсорное воздействие прекращается, исчезает чувственное впечатление, но не

---

²⁸ Там же. С. 338.

²⁹ Там же. С. 354.

³⁰ Там же. С. 355.

восприятие как таковое. Основанием данных теоретических построений служит специфическое понимание понятия «информация». По мнению Гибсона, основная ошибка распространенных теорий восприятия состоит в том, что информация понимается как сведения, которые передаются получателю. Исходя из этого, информацию можно хранить и передавать. Однако, подобное положение верно исключительно для теории связи, но никак для психологии восприятия. «Мир не разговаривает с наблюдателем... в том океане энергии (механической, химической и световой), в который каждый из нас погружен, информация не передается. Она там просто есть»³¹. Напротив для конструктивистов высшие психические процессы играют огромную роль, поскольку они являются составным неотъемлемым компонентом самого процесса восприятия. Так согласно Грегори объект-гипотезы хранятся в памяти, а для Гельмгольца восприятие в сущности понималось аналогичным процессу мышления.

Другое, не менее существенное отличие состоит в различии условий, при которых осуществляется исследование восприятия. Согласно экологическому подходу, исследование восприятия должно происходить исключительно в естественной среде, мире, который является привычным для индивида. Специфика подобных исследований в условиях лабораторного исследования с точки зрения Гибсона заключается в использовании упрощенных стимулов, которые предъявляются в ограниченных условиях наблюдений. Тогда как в естественной среде законы зрения работают совершенно иначе. Само восприятие – это не просто явление сознания, а событие, происходящее в реальном мире. Поэтому, для Гибсона в восприятие включено не только сенсорная система и мозг, а все тело воспринимающего субъекта и та часть окружения, с которой он взаимодействует в данном процессе. В рамках же лабораторного эксперимента испытуемый ограничен статичной ситуацией и в собственных

---

³¹ Там же. С. 343.

движениях, поэтому восприятие зачастую ошибочно и в сущности не является адекватным. Для Гибсона, одной из причин возникновения иллюзий выступают именно лабораторные условия предъявления стимуляции. Монокулярное зрение, ограничение видимого поля, неподвижность наблюдателя, кратковременность предъявления стимулов и др. – все это является условиями для ошибочного восприятия. В таких условиях мы не способны провести т.н. «тест на реальность», которому необязательно быть интеллектуальным. Таким тестом может послужить тщательное обследование воспринимаемого нами объекта, в процессе которого нам открываются его новые черты и детали. Во снах, галлюцинациях и других измененных состояниях сознания, подобный тест на реальность провести невозможно, поэтому теория извлечения информации устанавливает четкую границу между фантазией и восприятием.

Согласно Гибсону иллюзии появляются в случаях: 1) когда индивид не способен извлечь информацию о стимуле; 2) когда информации оказывается недостаточно; 3) она может быть ложной; 4) замаскированной. Например, трапециевидное окно Эймса кажется прямоугольным по причине того, что при использовании монокулярного зрения в данной ситуации, мы получаем ложную информацию. При наблюдении окна двумя глазами, иллюзия исчезает, поскольку информация о его форме извлекается адекватно. В случае маскировки структуры оптическая информация оказывается настолько глубоко внедрена в «оптический шум», что она будто бы перестает существовать. Такая визуальная маскировка встречается в природе, где некоторые животные способны мимикрировать, сливаться с окружающей средой для обеспечения собственной безопасности. Стимульная информация может быть и сбалансированно противопоставлена друг другу. В случае попеременной смены фигуры и фона, где мы, предположим, видим то лица, то вазу, информация для вазы,

согласно Гибсону, маскирует информацию для лиц, в результате чего происходит конфликт стимулов.

Все перечисленные выше иллюзии являются с точки зрения Гибсона объективными, возникающие в основном из-за искусственно созданных условий. В таком случае иллюзии выступают как субъективные искажения процессов восприятия, которое, в свою очередь, является объективным. Под субъективными иллюзиями Гибсон понимал преимущественно искажения, вызванные недостатками самого восприятия – например, в результате возбуждения перцептивной системы, недостаточная стимуляция рецепторов и т.д. Иллюзии геометрических фигур, рассмотрению которых посвятил большое внимание Грегори, с точки зрения Гибсона не является субъективными, а предстают как частные случаи извлеченной информации в переменных оптических структурах. Интересно, что восприятие изображений, картин, понимается психологом как такой вид восприятия, в процессе которого убедиться в реальности воспринимаемого содержания невозможно, поскольку человеческий глаз здесь уподобляется неподвижному фотоаппарату³². Реальную же бинокулярную зрительную систему обмануть нельзя. «Я не верю в легенды об обманутых птичках и художниках. Не верю я и в то, что Пигмалион действительно влюбился в свою статую. Иллюзия реальности – это миф»³³. Однако психолог согласен с тем, что открытие перспективы поспособствовало повышению достоверности репрезентации реальности, что нашло свое отражение в изобразительном искусстве, главным образом – в кинематографе.

Интересно, что иллюзорное восприятие может возникать и при ошибочном восприятии возможностей. Мы можем принять дикую кошку за домашнюю, а человека с недобрыми намерениями за доброжелательного ровно до тех пор, пока их поведенческие акты не будут свидетельствовать об обратном. Теория возможностей (theory of affordance) – важная часть

---

³² Там же. С. 372.

³³ Там же. С. 394.

концепции Гибсона, согласно которой каждое существо в мире выделяет только то, что соответствует его возможностям. Так как возможность одновременно относится и к окружающему миру, и к субъекту восприятия, то она понимается как взаимодополненность этих двух миров. Однако, если реальность так многообразна и многослойна, то на первый взгляд кажется, что каждое существо заключено в рамки исключительного того мира, который он способен воспринимать, совершенно не пересекаясь с другими уровнями реальности. Такая позиция отрицает существование единого мира и больше похожа на идею о том, что познающий конструирует мир в соответствии со своими особенностями. Данную идею будет развивать Ф. Варела и его соавторы в книге «Воплощенный разум: когнитивная наука и человеческий опыт». Варела заявляет, что не является ни реалистом, ни идеалистом. По его мнению, необходимость в том, чтобы живое существо представляло мир, отсутствует, так как субъект и мир не разделены. Мир определяется исключительно сенсомоторными возможностями субъекта. Субъект не строит ментальные репрезентации, не обрабатывает поступающую извне информацию, а конструирует свой собственный мир. Строя и перестраивая собственные схемы деятельности субъект тем самым конструирует и самого себя. «Познание не есть репрезентация предзаданного мира предзаданным умом, а, скорее, энактивирование (enactment) мира и ума на основе истории разнообразия действий, которые живое существо совершает в мире»³⁴.

Подводя итоги, стоит отметить, что в действительности телесно-воплощенный подход может быть понят иначе. В связи с этим, я хочу остановиться на концепции т.н. конструктивного реализма³⁵. Несмотря на то, что познающие существа выделяют разные особенности реальности, они все-таки живут в одном мире. Действующее и познающее существо,

---

³⁴ Varela F., Thompson E., Rosch E. The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1991. P. 9

³⁵ Лекторский В. А. Философия, познание, культура. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. С. 142-152.

взаимодействуя с доступной ему реальностью, одновременно и контактирует с реальностью другого существа, хотя и не воспринимает ее непосредственно. В этой связи эпистемологи говорят о перцептивной замкнутости человека. Для Дэвида Юма перцептивная замкнутость подразумевает и замкнутость когнитивную, то есть, то, что недоступно для нашего восприятия, не может быть познано. Да, в контексте человеческого сознания мы действительно можем говорить о перцептивной замкнутости, но значит ли это принципиальный отказ от изучения того, что выходит за пределы природных ограничений человека? «И если мир голубя окрашен в пять цветов, перед бабочками открывается неожиданное великолепие мира в ультрафиолетовом свете, недоступное человеческому глазу, ночные животные (волки и другие хищные звери), как правило, не различают цветов, т.е. видят мир черно-белым, а палитра красок мира, предстающая перед человеческим глазом, широка и включает в себя множество цветов и оттенков цвета, то не имеет смысла вопрошать, каков подлинный цвет мира»³⁶. Все-таки то, как познает мир бабочка или голубь, т.е. то, что человек не способен воспринять непосредственно, он может узнать при помощи инструментов, приборов и построении научных теорий.

---

³⁶ Князева Е. Н. Телесное и энактивное познание: новая исследовательская программа в эпистемологии // Эпистемология: перспективы развития. М.: Канон. – 2012. – С. 315-352.

Глава 2. Проблема иллюзии и реальности в рамках телесно-воплощенного подхода

2.1. Телесно-воплощенный подход к пониманию восприятия

Фактически каждое положение теории извлечения информации Дж. Гибсона находит свое отражение в одном из течений современной когнитивной науки, новой эпистемологической программе, известной как «воплощенное познание» (Embodied cognition). Представители данного подхода утверждают, что при изучении функционирования различных познавательных процессов невозможно игнорировать телесную организацию субъекта, поскольку тело – это то, что вписано в окружающую среду, а сам физический мир понимается как полноправная часть когнитивной системы индивида. Для того, чтобы разобраться в процессах познания, необходимо изучать как познающего субъекта, так и среду, в циклическом взаимодействии с которой он находится. В качестве объяснения специфической организации когнитивных процессов и структур используются особенности сенсомоторной активности организма. Исходя из этого, восприятие начинает осмысливаться в рамках действия, полностью отвергая классическую для теории познания и когнитивной науки модель репрезентационализма, согласно которой наш мозг обрабатывает поступающую из внешнего мира информацию, и на этой основе вырабатывает соответствующую реакцию: «...к феномену познания нельзя подходить так, будто во внешнем мире существуют некоторые "факты" или объекты, которые мы постигаем и храним в голове. Полученные из опыта данные о мире особым образом утверждаются структурой человека, в результате чего мы получаем представление о "вещи" и возможность описать ее»³⁷. Данное положение было точно сформулировано в виде афоризма У. Матураной и Ф. Варелой, одними из основателями

---

³⁷ Матурана У., Варела Ф. Древо познания: биологические корни человеческого понимания // М.: Прогресс-традиция. – 2001. С. 23.

воплощенного подхода, в книге «Древо познания»: «Всякое действие есть познание, всякое познание есть действие»³⁸.

Традиционно момент зарождения подхода связывают с выходом в 1991 г. публикации Франсиско Варелы, Элеоноры Рош и Эвана Томпсона «Воплощенный разум: когнитивная наука и человеческий опыт». Мотивацией для написания послужила обеспокоенность тем, что когнитивная наука стала слишком оторвана от человеческой повседневности, тогда как, по мнению авторов, когнитивная наука и индивидуальный опыт должны взаимно обогащать друг друга. Мы безукоризненно верим в науку и вместе с тем отрицаем, считаем недостойным нашего рассмотрения то, что дается нам самым прямым и непосредственным образом – наш повседневный опыт. При исследовании познавательных процессов отказ от изучения опыта становится парадоксальным, поскольку без опоры на повседневный опыт человека изучение психических процессов станет несовместимо с обыденным пониманием самих себя. Отрицая истинность нашего собственного опыта, мы тем самым лишаем научное исследование предмета рассмотрения³⁹. Поэтому, для того, чтобы мы могли использовать результаты исследований когнитивной психологии в реальной жизни, необходимо перестроить саму когнитивную психологию. В первую очередь, это позволит нам, как отмечает Е. Князева, «перекрыть брешь между науками о жизни (life science), такими, как теория биологической эволюции, нейрофизиология, теория психомоторного действия, и философской теорией познания, и понять жизнь, познание и работу ума в их гармоничном содружестве и в их отношении к феноменологическим исследованиям личного опыта и субъективности человека»⁴⁰.

---

³⁸ Там же. С. 23.

³⁹ Varela F., Thompson E., Rosch E. The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1991. P. 12-14.

⁴⁰ Князева Е. Н. Телесное и энактивное познание: новая исследовательская программа в эпистемологии // Эпистемология: перспективы развития. М.: Канон. – 2012. С. 13.

Философским основанием телесно-ориентированного подхода служат работы французского феноменолога М. Мерло-Понти. Идеи воплощенности сознания базируются на различии объективного, биологического тела, выступающего в роли основы или среды для когнитивных процессов, и тела феноменального, или переживающего, которое сопряжено с опытом в актуальном момент времени. Феноменальное тело не является объектом, подобным прочим объектам этого мира, оно есть не вещь в мире, а специфическое отношение к окружающей действительности. Наше собственное живое тело – субъект восприятия, условия для «сознательного Я». По мнению Варелы и его соавторов, для того, чтобы преодолеть разрыв между повседневностью и когнитивной психологией, психологам необходимо показать, что предмет их изучения сводится не только к физическому, но и к феноменальному телу, которое играет значительную роль.

Итак, центральной идеей телесно-воплощенного подхода является утверждение, согласно которому познание есть «воплощенное действие»: «Используя термин воплощенный, мы стремимся выделить два момента: первое, когнитивные процессы зависят от того вида опыта, который происходит в результате обладания телом с различными сенсомоторными навыками, и, второе, эти индивидуальные сенсомоторные навыки сами являются встроенными в более обширный биологический, психологический и культурный контекст. Используя термин действие, мы стремимся подчеркнуть еще раз, что сенсорные и моторные процессы, восприятие и действие, фундаментальным образом неотделимы друг от друга в контексте живой когнитивной системы»⁴¹. Авторы показывают, что восприятие и действие взаимно обуславливают друг друга, являясь замкнутыми в определенной цикличности: содержание восприятия прямо зависит от характера действия воспринимающего субъекта, в то время как действия,

---

⁴¹ Varela F., Thompson E., Rosch E. The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1991. P. 172-173.

которые он совершает, направляются его собственным специфическим способом восприятия мира.

То, как живой организм воспринимает окружающий мир и взаимодействует с ним, всецело определяется его телесной организацией. Наиболее иллюстративный пример этого утверждения – восприятие цвета. Какими цветами являются в действительности? Цвета, которые мы видим, существуют в предзаданном объективном мире или в воспринимаемом мире самого субъекта? Традиционно принято считать, что такое «вторичное качество» как цвет – это один из признаков объекта, характеристика соответствующих длин световых волн. Однако авторы показывают, что мы не можем объяснить наше восприятие цвета как атрибут вещей в мире, обращаясь к интенсивности и волнообразному составу света, отраженного от поверхности. Во-первых, цвет – это не просто воспринимаемый атрибут поверхностной, он вообще может быть не связан с ними – так, например, мы можем видеть цвет неба. Кроме того, мы способны воспринимать цвета как атрибуты остаточных изображений, сновидений, воспоминаний или синестезии. Таким образом, взаимно-однозначного отношения между световым потоком, состоящим из световых волн различной длины, и цветами, которые мы воспринимаем, нет.

Чтобы предположить цвет объекта, необходимо полностью изолировать данный объект, исключив все остальное из поля зрения. В действительности же объекты всегда предстают и рассматриваются нами как часть сложной сцены, поэтому света, который объект отражает локально, недостаточно для прогнозирования цвета воспринимаемой области. Помимо этого, независимость цвета от отраженного света подтверждается и двумя взаимодополняющими явлениями. Одно из таких известно как «цветовая константность», проявляющаяся в том, что воспринимаемые цвета объектов остаются относительно постоянными, несмотря на изменения в освещении. Так, цвет зеленого яблока в середине дня, при белом освещении, воспринимается как зеленый точно так же, как и на закате, когда освещение

приобретает теплые тона. Во втором случае две области, отражающие одинаковый свет, могут иметь разные цвета в зависимости от окружения, в которое они встроены. Это явление носит название «одновременный цветовой контраст». Например, на сине-зеленом фоне красный цвет будет выглядеть более насыщенным, чем на желтом.

Критикуя традиционный взгляд, авторы утверждают, что цветовое восприятие соответствует специфическому паттерну возбуждений в нервной системе, определяемому структурой самого цвета, тем самым проводя корреляцию между нашими привычными названиями цветов и состояниями нейронной активности, но никак не длинами волн⁴². Собственная индивидуальная структура воспринимающего субъекта прямо влияет на то, какое именно состояние возникнет у субъекта при различных световых возмущениях. Воспринимаемый цвет зависит и от структуры зрительного анализатора индивида: так, человек имеет трихроматическое зрение, некоторые животные – дихроматическое, тетрахроматическое, в некоторых случаях и пентахроматическое. Сам процесс познания обусловлен мезокосмически выработанными способностями человеческого тела воспринимать. Все это еще раз доказывает то, что познание человека телесно. Таким образом, ничего, кроме большой и распределенной нейронной сети и особенностей нашего зрительного аппарата, не участвует в восприятии цвета.

Однако стоит учитывать, что, несмотря на то, что восприятие цвета всецело зависит от индивидуальных характеристик субъекта, сам цвет никогда не воспринимается изолированно от других атрибутов, таких как форма, размер, текстура, ориентация в пространстве, движение. Все эти различные визуальные модальности являются эмерджентными свойствами параллельных подсетей, которые хоть и имеют определенную степень независимости, однако взаимно коррелируют друг с другом и работают

---

⁴² Матурана У., Варела Ф. Древо познания: биологические корни человеческого понимания // М.: Прогресс-традиция. – 2011. С. 20.

вместе, благодаря чему визуальное восприятие в любой момент времени остается связным, цельным процессом⁴³.

Кроме того, восприятие цвета, помимо визуальных, находится в активном обмене и с другими сенсорными модальностями. Наш воспринимаемый мир состоит из сложных и тонких паттернов сенсомоторной активности. Когда их структурная связь нарушается, многие формы поведения начинают подстраиваться под возникшие новые условия, однако в некоторых случаях подобная адаптация становится невозможной. По мере того, как меняется действие, меняется ощущение мира, конструируется новая реальность. Авторы рассказывают об одном пациенте, художнике, чей случай описан в статье О. Сакса, который после одного несчастного случая перестал воспринимать мир в цвете. В течение нескольких недель его поведение полностью изменилось: все, что он видел, имело неприятный, отталкивающий вид. Он больше не мог визуально представить цвета, его восприятие музыки также было нарушено, поскольку музыка для него была синестетической игрой цвета. В конце концов этот человек полностью отказался от своего прежнего мира, место которого заменила совершенно иная реальность – ахроматически воспринимаемая мир, он предпочел вести преимущественно «ночной» образ жизни в полном отсутствии солнечного света. Получается, что восприятие в действительности всегда несет на себе печать нашей собственной структуры: «...наш опыт теснейшим образом связан с нашей биологической структурой. Мы не видим "пространство" мира, мы проживаем поле нашего зрения. Мы не видим "цветов" реального мира, мы проживаем наше собственное хроматическое пространство»⁴⁴.

Таким образом, одним из ключевых элементов подхода «воплощенное познание» является изменение самого предмета изучения. Наравне с

---

⁴³ Varela F., Thompson E., Rosch E. The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1991. P. 162.

⁴⁴ Матурана У., Варела Ф. Древо познания: биологические корни человеческого понимания // М.: Прогресс-традиция. – 2011. С. 20.

типичными объектами классической когнитивной психологии, такими как внимание, память, мышления и др., стало изучаться все, что связано с активностью самого субъекта в момент познания – репрезентации собственного тела, феноменальный опыт и др. В настоящее время существует несколько попыток очертить область исследований воплощенного познания, одна из которых, наиболее известная и исчерпывающая, принадлежит Маргарет Уилсон, которая выделяет шесть характеристик данного подхода⁴⁵:

1) *Укорененность познания в определенный контекст среды.* Познание, укорененное в среде, включает в себя взаимодействие с окружающим миром. Познание ограничивается рамками текущей ситуации: поступающая перцептивная информация оказывает влияние на познавательный процесс, в то время как моторная активность изменяет непосредственное окружение индивида. Разговор по телефону во время приготовления ужина, вождение – все это познавательная активность, укорененная в среде. Однако человеческое познание, помимо непосредственного взаимодействия с окружением, может быть столь же отдалено от него. Сюда относится сам процесс мышления на уровне абстракций, воображение, сновидения и другие формы мыслительной активности. Несмотря на то, что познавательная деятельность здесь протекает автономно, без связей с внешними раздражителями и соответствующими реакциями на них, оно не перестает быть познанием. В ответ на это возражение Уилсон приводит аргумент, согласно которому взгляд на то, что наше познание укоренено в среде, уходит корнями в эволюционную историю, когда раньше ценность умственных способностей прежде всего имела значимость для выживания (необходимость быстро реагировать на внезапно возникшую ситуацию). Таким образом, «укорененное» познание есть фундаментальная

---

⁴⁵ Горизонты когнитивной психологии: Хрестоматия / Под ред. В. Ф. Спиридонова и М. В. Фаликман. – М.: Языки славянских культур; М.: Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), 2012. С. 19–28.

познавательная характеристика, даже если она не всегда вписывается в современные реалии;

2) *Познание разворачивается в условиях дефицита времени.* Укорененное познание разворачивается в реальном времени, т.е. выполнение действия ограничивается временными рамками;

3) *Окружающая среда снижает нагрузку на когнитивную систему.* Из-за дефицита времени, ограниченности наших познавательных процессов (особенности внимания, объем рабочей памяти⁴⁶), требуются определенные стратегии познавательной разгрузки. Одна из таких – использование окружающей среды как «внешней» памяти, дополнительного хранилища информации. Эта идея находит свои истоки еще в построениях Гибсона, который полагал, что у нас нет необходимости использовать собственную память, поскольку информация всегда присутствует актуально, в наличии в окружающей среде. Таким образом, мы изменяем окружающую среду так, чтобы уменьшить оставшуюся познавательную работу;

4) *Окружающая среда является полноправной частью когнитивной системы.* Как и у Гибсона с его концепцией воспринимающих систем⁴⁷, в телесно-ориентированном подходе когнитивная деятельность рассматривается целостно, системно. Мозг, тело, психика живого существа, его окружение – все это предстает как единая система, взаимодействующая в действии. Познание не является результатом исключительно психической активности: «...движущие силы познавательной деятельности не "прописаны" только в голове субъекта, вместо этого они локализованы во взаимодействиях субъекта и ситуации. Поэтому для того, чтобы понять

---

⁴⁶ Фаликман М., Спиридонов В. Когнитивная психология: история и современность // М.: Ломоносовъ. – 2011. С. 312-322.

⁴⁷ Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988. С. 346-349.

познание, мы должны изучать ситуацию и находящегося в ней познающего субъекта совместно – как единую систему»⁴⁸.

В этой связи, стоит отметить одну из центральных концепций «воплощенного подхода» – т.н. теорию автопоззиса. Ф. Варела и У. Матурана утверждают, что все живые системы являются замкнутыми системами, находящиеся в циркулярном взаимодействии с окружающей средой, которая в действительности является частью их собственной структуры⁴⁹. Такая система воспроизводит саму себя, замкнута на себе, поэтому становится трудным провести границу между «внешним» и «внутренним». Мне кажется, что подобная идея звучала и у Гибсона, когда тот предпринял попытку снять дихотомию между «объективным» и «субъективным» миром, показывая, что граница между этими мирами условна и подвижна: например, человек имеет возможность прикреплять что-либо к телу. Если взять в руки ножницы, данный изолированный объект перестает быть частью окружающего мира – ножницы становятся неким продолжением руки.

Автопоззис (от греч. αὐτός – сам + ποιῆσις – производство, творчество) есть самопроизводство, самоподдержание живых существ, Опираясь на это, Варела и Матурана предложили рассматривать данный аутопоэтический принцип как сущность жизни во всех ее проявлениях. Они отталкивались от разработанной ими компьютерной модели искусственной жизни, представленной в виде клеточного автомата, который имитировал зарождение замкнутых на себя структур, клеток. Образовавшиеся структуры могли узнавать о нарушении связей в системе для того, чтобы их восстановить. Именно эта способность «узнавания» легла в основу определения сущности феномена познания. С этой точки зрения, главная

---

⁴⁸ Горизонты когнитивной психологии: Хрестоматия / Под ред. В. Ф. Спиридонова и М. В. Фаликман. – М.: Языки славянских культур; М.: Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), 2012. С. 23.

⁴⁹ Князева Е. Н. Телесное и энактивное познание: новая исследовательская программа в эпистемологии // Эпистемология: перспективы развития. М.: Канон. – 2012. С. 5.

особенность живых существ – это воспроизводство самих себя. Внешние воздействия на эти системы служат лишь внешним толчком для последующего производства внутренних структурных изменений, которые служат для самоподдержания системы. Такие структурные изменения с «внутренней» позиции выглядят как процесс познания мира, хотя в действительности это есть не что иное как конструирование реальности. Познание, с точки зрения Варелы и Матураны, «должно быть понято как перестройка аутопоэтической системой самой себя в ответ на толчок извне»⁵⁰.

Аутопоэзисный энактивизм получил свое дальнейшее развитие в работах Эвана Томпсона, который сформулировал основные тезисы данного подхода. Во-первых, основываясь на принципах самовоспроизводства и самоорганизации сложных систем, живые существа предстают как автономные агенты, активно порождающие и поддерживающие свою познавательную активность и собственную идентичность. Во-вторых, то, что человек называет объективным миром, на самом деле есть конструкция его нервной системы. Познаваемая реальность – не предзаданный внешний мир, который репрезентирует мозг, а лишь ограниченная область, которая конструируется субъектом и существует только в связке с ним. Нервная система создает значение (*sense-making*), а не обрабатывает информацию, как это было в вычислительном подходе. В-третьих, формой воплощенного действия выступает познание, зависимое от феноменального опыта. Источником этого феноменального опыта является само тело и сенсомоторная активность, встроенная при этом в более широкий биологический, психологический и культурный контекст;

5) *Автономное (off-line) познание, т.е. познание оторванное от среды, так же основывается на телесном опыте.* Утверждается, что многие абстрактные познавательные виды деятельности используют

---

⁵⁰ Лекторский В.А. Субъект, действие, реальность. // «Вопросы философии» №9, 2017.

сенсомоторные функции, однако не явно, а скрытым образом. Автор приводит пример со счетом на пальцах: в развернутом виде такая активность представляет собой набор явных движений, но что, если мы «уберем» активность, оставив лишь запуск двигательных программ, но не движение в явном виде? Такая умственная деятельность может успешно использоваться для сопровождения задачи счета на пальцах. В связи с этим, стоит отметить теорию воплощенных метафор Дж. Лакоффа и М. Джонсона, согласно которой большинство языковых выражений, понятий, тесно связаны с пространственными отношениями со средой, телесной организацией. Например, когда мы говорим о понятии «коммуникация», мы представляем как нечто (мысль, идея, знание) метафорично передается из одного местоположения в другое, грубо говоря – из одной головы в другую. Получается, что наши представления о коммуникации основываются на наших знаниях о движении реальных физических объектов;

б) Познание предназначено для действия. Как пишет Е. Князева: «Телесный разум не просто активен, он энактивирован (enacted): ум выполняет свои когнитивные функции в действии и через действие. Ум организует себя через взаимодействие с окружающей средой. Познавательная активность есть *вдействие* организма в среду»⁵¹. Энактивизм (от англ. enactivism) – это позиция, согласно которой активность субъекта есть основное воплощение познавательных процессов. Восприятие и моторика не просто пассивно воспринимают информацию и реализуют некоторый моторный ответ, а активно конституируют феноменальный опыт познающего субъекта, определяя содержание этого опыта и сопутствующих когнитивных процессов.

На данный момент исследователи выделяют три ветви энактивизма: аутопоэзисный, радикальный, сенсомоторный. На сенсомоторном энактивизме, представленном именем Алва Ноэ, я хочу остановиться более

---

⁵¹ Князева Е. Н. Телесное и энактивное познание: новая исследовательская программа в эпистемологии // Эпистемология: перспективы развития. М.: Канон. – 2012. С. 10.

подробно, поскольку в его работах будет сформулирован принципиально новый подход к восприятию.

2.2. Является ли видимый мир великой иллюзией?

Говоря об энактивистском подходе, Ноэ пишет: «Центральное утверждение того, что я называю энактивистским подходом, заключается в том, что наша способность восприятия не только зависит, но и конституируется нашим владением определенного рода сенсомоторного знания»⁵². Процесс восприятия подобен осязанию: перцептивный опыт приобретает содержание благодаря тому, что мы обладаем телесными навыками. То, что мы воспринимаем, определяется тем, что мы делаем. Способность живого существа к самодвижению тесно связана с обладанием практическим знанием о том, как изменяются стимулы в результате разных способов движения: так, звук становится громче, а объект – больше, по мере того, как мы приближаемся к нему, мы щуримся, вытягиваем шею, используем очки, чтобы получше рассмотреть объект. Как отмечает Ноэ, мы являемся хозяевами такого рода паттернов сенсомоторной зависимости. Движения же в свою очередь зависят от способности индивида определенным образом воспринимать самого себя. Таким образом, суммируя, восприятие – это род определенной активности всего живого существа.

Одним из наиболее ярких доказательств в пользу энактивистского подхода служит факт существования так называемой «эмпирической слепоты». В широком смысле, существуют два вида слепоты: слепота, возникшая вследствие повреждений или нарушения работы зрительного аппарата (например, слепота, вызванная катарактой, поражением зрительной коры головного мозга и др.), однако, наряду с этим, существует слепота, которая возникает не из-за отсутствия зрительной

---

⁵² Noe A. Action in Perception. – MIT press, 2004. P. 2.

чувствительности или ощущений, а по причине того, что индивид по каким-то причинам не может правильно интегрировать сенсорную стимуляцию с телесными навыками. Такой вид слепоты Ноэ называет эмпирической слепотой, поскольку она никак не связана непосредственно с нарушениями зрительного аппарата.

Чтобы видеть недостаточно одних зрительных ощущений – это показал еще Дж. Гибсон: находясь в густом тумане, мы слепы. Мы не имеем никакой наличной информации о мире, поскольку объемлющий свет здесь не имеет структуры, лишен каких-либо различий. В этом смысле, объемлющий свет никак не отличается от объемлющей тьмы. Таким образом, видеть – значит иметь зрительные впечатления, которые мы понимаем, можем адекватно расшифровать. Поэтому удаление катаракты не похоже на открытие штор в темной комнате, поскольку зрительные впечатления, которые получает в таком случае человек, зачастую долгое время остаются запутанными и неинформативными, будто высказывания на иностранном языке, как выражается Ноэ. В связи с этим многие люди после операции по восстановлению зрения сталкиваются с депрессивными состояниями, а некоторые из них впоследствии возвращались к прежнему образу жизни, не пытаясь больше прибегать к использованию зрительного восприятия. Причины подобного явления сложны: люди учатся буквально жить заново, в совершенно новом для них мире и, по всей вероятности, не все готовы к такой кардинальной смене существующей парадигмы. Корректнее всего будет сказать, что таким людям восстанавливают чувствительность к зрительным ощущениям, но не восстанавливают зрение.

Автор приводит известный в психологической практике и литературе случай пациента, известного как С.Б., который перенес операцию по удалению катаракты⁵³. Операция прошла успешно, однако история этого пациента закончилась трагично. Получая зрительные впечатления, С.Б.

---

⁵³ Психология ощущений и восприятия / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и др. – изд. 2-е, исправленное и дополненное. – М.: «ЧеРо», 2002. С. 591-597.

совершенно не мог их интерпретировать, поскольку ему не хватало практического понимания их значения. Если в «нормальном» зрительном восприятии мы имеем способность соотносить ощущения с процессами мышления и движения (резкий звук заставляет нас повернуть голову в сторону его источника, при летящем на нас мяче, мы рефлекторно пригибаемся и т.д.), то С.Б. не понимал сенсорной значимости своих впечатлений, ему не хватало знания о том, как меняется стимуляция во время движения. Его впечатления были лишены содержания, поскольку, как утверждает Ноэ, перцептивный опыт приобретает содержание преимущественно в результате сенсомоторного познания⁵⁴. Для когнитивной психологии принципиально новым здесь является то, что это знание практическое: для того, чтобы воспринимать, мы должны обладать сенсомоторными телесными навыками, иначе паттерны зрительной стимуляции будут для нас слепы и неинформативны.

Согласно распространенной точке зрения относительно характера зрительного сознания, мы располагаем богатым и детализированным опытом воспринимаемого нами мира. Эмпирическое исследование природы зрения исходит из концепции опыта как фотографического снимка. Как отмечает специалист в области исследования зрительного восприятия С. Палмер: «...большинство из нас считают чем-то само собой разумеющимся нашу способность видеть мир вокруг нас. Как мы это делаем, не кажется большой загадкой: мы просто открываем глаза и смотрим»⁵⁵.

Основная проблема, с которой сталкиваются эмпирические науки, изучающие зрение, заключается в том, как объяснить тот факт, что мы переживаем визуальный опыт богато детализированного мира, тогда как в действительности наш реальный перцептивный контекст с миром в форме информации на сетчатке глаза имеет ряд существенных ограничений,

---

⁵⁴ Noe A. Action in Perception. – MIT press, 2004. P. 9.

⁵⁵ Palmer S. Vision Science: Photons to Phenomenology. Cambridge, MA. A Bradford Book / MIT Press, 1999. P. 4.

которые хорошо известны и изучены. Прежде всего, стоит выделить физиологические ограничения зрительного процесса:

1) Имеющееся в глазу область на сетчатке, где полностью отсутствуют фоточувствительные клетки (по причине того, что в этом месте зрительный нерв выходит в мозг). Другими словами, фактически в центре зрительного поля есть слепая область, достаточная для того, чтобы мы не заметили объект, находящийся от нас на расстоянии вытянутой руки, размером приблизительно с грецкий орех. Это явление известно как «слепое пятно» и было описано еще в XVII веке Э. Мариоттом;

2) Распределение фоточувствительных клеток на сетчатке неравномерно, поэтому, мы воспринимаем мир в полной цветовой гамме и с высоким разрешением только в пределах центральной области зрительного поля. За пределами этой области, количество палочек и колбочек становится все меньше и меньше, поэтому в данной области сетчатка почти не чувствительна к цвету. Однако, как замечает Ноэ, мы не воспринимаем мир как черно-белый по краям;

3) На сетчатке имеется не одно, а два изображения, которые, к тому же, являются перевернутыми, крайне малыми в размере и искаженными, размытыми из-за постоянных движений глаз (саккады), головы и тела наблюдателя. На основе этого возникает вопрос: как мозг компенсирует несоответствие между характером ретинального изображения и содержанием перцептивного опыта?

Известны и психологические ограничения зрительного восприятия и зрительного сознания – феномены слепоты к изменению и слепоты по невниманию, механизм которых был рассмотрен нами в начале этой работы. Наконец, серьезные ограничения зрительного познания человека подтверждаются со стороны исследований высокоуровневых когнитивных процессов, таких как зрительное внимание и кратковременная рабочая зрительная память, которая считается частью рабочей памяти как таковой. Так, исследования зрительного внимания показывают, что его ресурсы

могут быть направлены не более чем на 7-8 мест в конкретный момент времени. В свою очередь, вместительность зрительной рабочей памяти составляет не более 4-4,5 объектов одновременно⁵⁶.

Таким образом, мы явно видим конфликт между нашими зрительными субъективными впечатлениями богато детализированного мира и множеством объективных свидетельств ограниченности зрительных механизмов. Однако, несмотря на то, что поступающая информация, на первый взгляд, фрагментирована и прерывиста, мы все же получаем впечатление целостности и непрерывности воспринимаемой нами сцены. Такова, как отмечает Ноэ, ключевая проблема зрительного восприятия. Традиционное решение данной проблемы состоит в том, что для поддержания детального, непрерывного образа мира строятся внутренние устойчивые репрезентации на основе полученных неоднородных и фрагментарных кусочков информации с сетчатки. Согласно этой позиции, зрение – это процесс коррекции несовершенства ретинального изображения. В свою очередь, теория зрения – это теория того, как мозг исправляет и преодолевает ограничения зрительного восприятия.

Если ортодоксальный скептицизм в вопросе перцептивного опыта заставляет нас усомниться в том, действительно ли мы воспринимаем мир таким, каким он является на самом деле, доступно ли нам вообще знание об объективном мире, то новый скептицизм, критике которого посвящена работа Ноэ, ставит под сомнение тот факт, что мы действительно обладаем перцептивным опытом, который, как мы думаем, у нас имеется. В недавней современной литературе противоречие между субъективными впечатлениями и объективными зрительными ограничениями получило название «великая иллюзия сознания». Философ Э. Кларк описывает эту проблему: «Наш мозг не располагает богатыми детализированными внутренними моделями текущей сцены. Наше зрительное восприятие, как

---

⁵⁶ Сущин М.А. Зрительное сознание, репрезентации и действия // Философия науки и техники. – 2019. – Т. 24. – №1. С. 102.

представляется, не является всем, чем оно кажется. Такова, следовательно, Великая Иллюзия. Мы думаем, что мы видим гораздо больше, чем на самом деле»⁵⁷. Таким образом, новый скептицизм показывает, что «основной вопрос теории зрительного восприятия состоит не в том, как мы видим столь много на основе столь малого. Скорее, вопрос состоит в том, почему нам кажется, будто мы видим так много, хотя фактически видим мало?»⁵⁸. По мнению представителей нового скептицизма, к числу которых относятся такие авторы как Д. Деннет, С. Блэкмор и др., наше перцептивное сознание – это ложное сознание. Поэтому, если мы не получаем опыта богато детализированного мира, то проблемы, как мозг порождает его, попросту не стоит. Видимый мир есть великая иллюзия. Алва Ноэ, напротив, в своих работах, в частности в статье «Является ли видимый мир великой иллюзией?» пытается доказать, что новый скептицизм основывается на ошибочном и упрощенном подходе к феноменологии восприятия⁵⁹.

Согласно Ноэ при исследовании восприятия нельзя исходить из того, что в мозге есть фотографическая копия реального мира. Одной из ключевых посылок сенсорно-моторного подхода к восприятию выступает положение, согласно которому внутренних репрезентаций в ходе зрительного восприятия попросту не строится. По мнению автора утверждение, что восприятие есть процесс по конструированию мозгом внутренних репрезентаций является ошибочным. Следуя Гибсону, Мерло-Понти и др. авторам, Ноэ понимает зрение как вид активности, опосредуемый нашими телесными навыками, т.е. мы, как субъекты восприятия, имплицитно обладаем знанием того, как наше восприятие будет изменяться в результате наших собственных действий. По его мнению роль репрезентаций в теории восприятия нуждается в пересмотреть, поскольку ошибочно предполагать, будто бы зрительное восприятие – это процесс, посредством которого

---

⁵⁷ Там же. С. 103.

⁵⁸ Noe A. Action in Perception. – MIT press, 2004. P. 64.

⁵⁹ Ноэ А. Является ли видимый мир великой иллюзией? // Философско-литературный журнал «Логос». – 2014. – №. 1.

строится детальная модель мира. Детализированный мир не дается сознанию в том виде, в каком мы воспринимаем содержание картины.

Это связано с другой, не менее важной, посылкой сенсорно-моторной концепции, которая заключается в том, что мир в восприятии выступает в качестве внешней памяти, к деталям и аспектам которой мы всегда можем обратиться по мере необходимости. «В соответствии с настоящей теорией зрительный опыт возникает не потому, что внутренняя репрезентация мира активируется в определенном регионе мозга. Наоборот, зрительный опыт представляет собой способ деятельности, включающий в себя практическое знание о возможном в настоящее время поведении и соответствующих сенсорных следствиях... Действительно, "ре"-презентации мира в мозге не существует: единственная необходимая графическая или 3D версия – это реальная внешняя версия»⁶⁰. Другими словами, зрительное осознание чего-либо всегда предполагает активное использование в данный момент времени сенсомоторных навыков, а также соединение этих навыков с высокоуровневыми когнитивными способностями, такими, как внимание, планирование и т.д. Поэтому, информация, на которую не направлен наш фокус внимания, осознаваться не будет.

То, что представление о собственном сознательном опыте как мгновенном фотоснимке на самом деле является иллюзорным, новые скептики показывают с опорой на различные экспериментальные данные, в частности – данные о существовании слепого пятна на сетчатке глаза. По мнению Д. Деннета то, что мы знаем истинную природу нашего сознания, есть заблуждение: несмотря на свою кажущуюся непрерывность в действительности сознание предстает как дискретное, что обнаруживается в существовании слепого пятна на сетчатке глаза, а также саккадических пробелах.

---

⁶⁰ O'Regan J. K., Noe A. A sensorimotor account of vision and visual consciousness // Behavioral and Brain Sciences. 2001. Vol. 24. No. 5. P. 940.

Однако несмотря на наличие слепого пятна, мы не воспринимаем визуальное пространство как неполное, не переживаем пробел в зрительно наблюдаемой нами сцене. Этот факт можно объяснить тем, что мозг каким-то образом «заполняет» пустоты в нашей внутренней репрезентации поля зрения. Но полагать, что мы имеем информацию об отсутствии чего-либо, которую затем «достаиваем» до полноценной картины, значит совершать ошибку гомункула, – считает Деннет. Впервые ошибка гомункула была продемонстрирована Декартом. Данный парадокс основывается на предположении о том, что мы допускаем существование некой области мозга, материальной или функциональной, которая ответственна за построение полноценной репрезентации чувственно воспринимаемого мира⁶¹. Когда мы полагаем, что видение объекта зависит от сходства между картиной в мозгу и реальным объектом, мы заключаем, что «внутри» головы есть кто-то, кто бы воспринял это сходство. Подобная проблема неизбежно приводит к регрессу, когда мы пытаемся объяснить как этот внутренний наблюдатель может видеть внутреннюю картинку внешнего мира (получается, в его голове также сидит такой же внутренний наблюдатель, и так до бесконечности). Источником такого заблуждения выступает идея о том, что изображение на сетчатке функционирует как то, что должно восприниматься.

То, что мы не переживаем связанный со слепым пятном пробел, по мнению Деннета может указывать и на то, что мозг просто игнорирует слепое пятно, поэтому и не репрезентирует эту информацию в качестве отсутствующей. Именно в силу отсутствия информации, вполне возможно, что мы не замечаем разрывов в визуальном пространстве. Поскольку прямых доказательств того, что мозг заполняет пробелы в нашем визуальном поле, нет, то Деннет утверждает, что задача мозга состоит не в заполнении пробелов, а в их обнаружении. «Если нет никакого заполнения

---

⁶¹ Иванов Д. В. Радикальный энантивизм и проблема субъективности // Вопросы философии. 2016. №11. С. 67.

слепого пятна, то в переживании видимого мира должен быть пробел, который, однако, мы не замечаем. Предположительно это и есть пример дискретности опыта вопреки его видимой непрерывности. Для нас в опыте нет пробелов, но это не так. Мы жертвы иллюзии визуального сознания»⁶². Избегая ошибки гомункула, Деннет объясняет иллюзию сознания следующим примером. Предположим, мы смотрим на обои с повторяющимся изображением американской киноактрисы Мэрилин Монро. Наш мозг, восприняв лишь несколько образов, на основании этого формирует представления о наличии множества образов актрисы. Однако мы полагаем, что у нас есть не просто убеждение, а именно восприятие всех образов на обоях. По мнению Деннета в этом и заключается ошибка сознания: мы не воспринимаем все образы одновременно, а лишь думаем, что воспринимаем.

Ноэ соглашается со скептиками в том, что наш сознательный опыт не является изоморфным воспринимаемому нами миру, однако сказать то, что мы подвержены иллюзии сознания, механизм которой описан Деннетом, нельзя. Субъективное представление богатого зрительного опыта складывается на основе имеющегося у нас доступа к необходимым в данный момент времени аспектам реальности (посредством движения глаз, головы, тела). Сторонники сенсорно-моторного подхода согласны с тем, что воспринимающие исходят из того, что они *воспринимают* окружающий мир как детальный, однако это не означает, что они (субъекты восприятия) думают, будто внутри их мозга есть детальная копия мира. Они лишь осознают, что в любой момент имеют к этой реальности доступ, но не ожидают полной доступности этой информации в сознании. Последнее по мнению Ноэ нам навязывают философы и психологи, утверждая, что мы действительно должны думать подобным образом: «Нам не кажется, будто

---

⁶² Ноэ А. Является ли видимый мир великой иллюзией? // Философско-литературный журнал «Логос». – 2014. – №. 1. С. 66.

где-то в мозге есть такая репрезентация. Перцептивный опыт устремлен к миру, а не к мозгу»⁶³.

Тем не менее, проблема существования ощущения детализированного мира имеет один важный аспект. Одно из важных следствий феномена слепоты к изменению заключается в том, что мы воспринимаем и переживаем только то, на что направлен наш фокус внимания. Но одновременно с этим, базовым фактом нашей феноменологии служит, как отмечает Ноэ, то, что мы перцептивно осведомлены в присутствии других деталей наблюдаемой сцены, но в данный момент оставленных без внимания. Другими словами, у нас есть ощущение мира как присутствующего в качестве чего-либо целого. Эту проблему Ноэ называет проблемой перцептивного присутствия: необходимо понять, как мы можем иметь перцептивный опыт относительно тех частей реальности, на которые в данный момент времени не направлен наш фокус внимания. Он пишет: «...скептическая проблема формируется следующим образом: как мы можем иметь переживания мира во всех подробностях, если у нас нет внутренних представлений обо всех этих подробностях?»⁶⁴.

Чтобы получить ясное представление о пути решения данной проблемы, Ноэ приводит несколько примеров. Мы наблюдаем кошку, которая частично скрывается находящейся перед ней забором: хотя некоторые детали животного оказываются скрыты из виду, тем не менее, мы воспринимаем кошку как целостный единый объект. Когда мы держим с закрытыми глазами бутылку, у нас есть складывается ощущение присутствия целой бутылки, хотя мы касаемся ее лишь в нескольких отдельных точках. Объяснение этих примеров с позиции того, что при восприятии данных объектов мы опираемся на собственные знания о кошках и бутылках, которые до этого мы встречали в опыте (т.е. используем концептуальные репрезентации), игнорирует феноменологию восприятия.

---

⁶³ Там же. С. 70.

⁶⁴ Там же. С. 73.

Ощущение присутствия целой кошки и бутылки – это ощущение перцептивного присутствия, специфика которого состоит в том, что оно не выводится подобно умозаключению и не предполагается, а *переживается*.

В психологии данный феномен известен как амодальное восприятие. Иллюстративным примером здесь служит треугольник Каниссы, создающий ощущение восприятия двух треугольников, один из которых наложен поверх другого, а также частично скрывает от взора три черных круга. Скрытые части черных дисков, а также нижний треугольник амодально (или как перцептивно присутствующий) воспринимаются в качестве полных. Треугольник же, который находится «поверх» остальных фигур, мы воспринимаем модально, хотя в действительности, в данной случае, его контуры иллюзорны. Исходя из этого, проблему перцептивного присутствия Ноэ предлагает рассматривать как проблему амодального восприятия: «Мне представляется, что шаг к разрешению проблемы перцептивного присутствия может состоять в допущении, что отдельные элементы действительности присутствуют в сознании наподобие того, как амодально присутствуют амодально воспринятые элементы ситуации или объекты. Они воспринимаются, не будучи в действительности воспринимаемыми. Тогда вопрос о том, является ли видимый мир великой иллюзией, превращается в вопрос о том, следует ли считать амодальное восприятие иллюзорным»⁶⁵.

С проблемой перцептивного присутствия Ноэ связывает и наше переживание цвета. По мнению автора, цвета объективны, поскольку они выражают отношение не между объектами и нервной системой, а между объектами и окружающим миром. Цвета – это способы взаимодействия объектов с окружающей средой. Мир, из которого бы вдруг исчез наблюдатель, остался бы миром, в котором бы не было переживания цвета, но не миром, в котором бы не было цветов. Кроме того, еще одним

---

⁶⁵ Там же. С. 74

подтверждением объективности цвета служит тот факт, что, как писал Фреге, объективно все то, что подчинено законам, может быть выражено словами, оценено и т.д. В этом смысле какие-либо утверждения о цвете («это машина имеет более насыщенный красный цвет, чем этот мяч», «чтобы получить оранжевый цвет, нам необходимо смешать красный и желтый» и т.д.) выражают мысли, которые могут быть оценены на истинность или ложность. В свою очередь, если рассматривать цвета с позиции теории квалиа (цвет как определенное ментальное состояние: мое ощущение красного цвета и т.д.), то объективными они не будут. Как считал Фреге, это всего лишь частные, интуитивные ощущения, которые, вследствие своей субъективности, не поддаются передаче: я не могу «передать» вам свое ощущение красного цвета точно так же, как я не могу передать вам свою головную боль⁶⁶.

С позиции сенсорно-моторного подхода, переживание цвета рассматривается подобно самому процессу восприятия: восприятие цвета зависит от неявного знания воспринимающим собственных сенсомоторных паттернов. То есть, воспринимающие в целом имплицитно знакомы с тем, как меняется видимый цвет, когда мы движемся по отношению к нему или когда меняются условия восприятия (например, изменение окружающего света, цвета контрастирующих объектов и т.д.). Субъекты восприятия имплицитно понимают паттерны, управляющие такого рода вариациями точно так же, как они имплицитно понимают, каким образом видимая форма объекта меняется, когда они движутся по отношению к нему. По мнению Ноэ то, что субъекты восприятия обладают такого рода знанием демонстрирует феномен постоянства цвета: например, когда мы смотрим на белую стену, мы воспринимаем ее как окрашенную в однородный цвет, несмотря на то что в разных частях она отличается по цвету в зависимости от освещения (предположим, комната залита солнечным светом). Мы видим

---

⁶⁶ Noe A. Action in Perception, – MIT press, 2004. P. 148.

единообразие, несмотря на то, что внешний вид объекта им не обладает. Другими словами, используя терминологию Гибсона, мы воспринимаем цвет как то, что инвариантно в кажущейся вариации.

Проблему постоянства цвета, по мнению Ноэ, лучше сформулировать как проблему перцептивного присутствия: мы ощущаем присутствие однородного цвета, который, строго говоря, мы не наблюдаем. Равномерный цвет поверхности стены присутствует в восприятии амодально, имплицитно. Переживание белой стены как белой означает переживание не только того, как стена выглядит в текущий момент времени в данных условиях, но и того, как она будет выглядеть тогда, когда эти условия восприятия изменятся. Переживать определенный цвет – значит понимать и схватывать все эти законы трансформации.

Однако, несмотря на то, что цвета энактивны, реальны, Ноэ не рассматривает их в физических терминах, поскольку по его мнению физикалисты не учитывают феноменальную и экологическую природу цвета, рассматривая его исключительно как физическое свойство поверхности или как особенность восприятия глазом разных волн спектра. Ноэ обращается к Гибсону и одному из основополагающих положений его теории: животные и человек воспринимают окружающий их мир, который отличается от физического, то есть от того мира, каким его описывают физики. Поэтому цвет по мнению Гибсона это прежде всего способ воздействия объектов на окружающий их оптический массив, а именно, на наполненную светом структурированную среду. То есть, цвет – это способ взаимодействия объектов с окружающей средой.

Согласно ортодоксальной точке зрения на проблему перцептивного присутствия в контексте восприятия мы создаем внутреннюю модель в соответствии с теми элементами действительности, которые в данный момент времени мы воспринимаем. Однако то, что такой подход несостоятельный, показывает феномен слепоты к изменению, убеждающий нас в том, что воспринимающий не строит никаких детализированных

внутренних репрезентаций. Восприятие зависит от внимания, а сам мир служит внешней памятью для субъекта, к которой по мере необходимости всегда можно обратиться. Ноэ отмечает и более фундаментальные причины, заставляющие нас усомниться в ортодоксальной стратегии: «...зачем мозгу ввязываться в производство модели бутылки, когда бутылка уже тут, в руках, и может служить хранилищем информации о самой себе? Вся нужная информация о бутылке доступна нам в мире – нужно только подвигать руками, чтобы собрать ее. И то же касается кошки. К чему представлять кошку во всех подробностях, если вся нужная информация доступна по мере надобности благодаря движениям глаз и головы?»⁶⁷. Концепция опыта как снимка, по мнению исследователя, также ошибочна, поскольку она искажает феноменологию: «Мне не кажется, будто часть кошки видна в данный момент, даже если мне в этот момент кажется, будто я воспринимаю кошку целиком и будто невоспринятые части этой кошки присутствуют. В конце концов, я могу *видеть*, что кошка частично закрыта оградой! Это как раз случай амодального восприятия: переживать присутствие того, что воспринимается как находящееся за пределами видимого»⁶⁸.

Таким образом, предлагаемое Ноэ решение проблемы перцептивного присутствия аналогично объяснению специфики зрительного опыта с позиций сенсомоторной теории. Наше ощущение перцептивного присутствия закрытой забором кошки не требует, чтобы мы представляли кошку в сознании сразу. Скорее это показывает, что мы имеем доступ к закрытым частям объекта путем движения глаз, головы, тела. Кошка присутствует перцептивно в том смысле, что она перцептивно доступна нам. Таким образом, поскольку мы знаем, что обладаем доступом для непосредственного обследования к любой скрытой в данный момент времени части реальности, мы обладаем опытом зрительного присутствия

---

⁶⁷ Ноэ А. Является ли видимый мир великой иллюзией? // Философско-литературный журнал «Логос». – 2014. – №. 1. С. 75.

⁶⁸ Там же.

объектов в целом, а не только обращенных к нам частей поверхности. Мое отношение к кошке опосредовано тем, что когда я моргаю, то полностью теряю ее из виду, но стоит мне совершить движение в сторону, как в моем поле зрения появляется та ее часть, которая до этого была скрыта от моего взора. Доступ ко всем элементам и знание о том, что у нас этот доступ имеется – одно из центральных положений энактивизма, или сенсомоторного подхода к восприятию.

Подводя итоги, стоит отметить, что рассмотрение восприятия с позиций энактивизма дает многие основания заключить, что видимый мир не является великой иллюзией, как это отстаивают скептики. Сенсомоторный подход объясняет как возможно получать опыт, при этом не строя ментальных репрезентаций. Конечно, решительное отрицание непосредственно сознаваемых зрительных репрезентаций объектов и сцен может вызывать некоторые сомнения. Неужели в процессе сознательного восприятия у субъектов не возникает репрезентаций вообще, в какой бы то ни было форме?

Так, ведущий исследователь слепоты к изменению Д. Саймонс показывает, что исследования данного феномена не позволяют сделать решительный вывод об отсутствии или наличии у субъекта ментальных репрезентаций, поскольку результаты исследования могут быть совместимы с обеими возможностями. Помимо гипотезы мира как внешней памяти (к которой апеллирует Ноэ), предполагающей отсутствие внутренних моделей внешнего мира, существуют и иные объяснения результатов исследования феномена слепоты к изменению. Например, один из таких вариантов – гипотеза переписывания (*overwriting*), которая постулирует наличие у субъекта восприятия ментальных репрезентаций начальной сцены, которое, тем не менее, полностью «переписывается» после вторичного обращения к наблюдаемой области. Таким образом, с точностью постулировать отсутствие у субъекта внутренних репрезентаций мы не можем.

В этом смысле интересна и недавно возникшая в рамках современных исследований зрения концепция так называемого ансамблевого восприятия. Согласно этой позиции, зрительный мир обладает определенной структурой, состоящей из большого количества сходных объектов и свойств на разных уровнях организации реальности. Поэтому вместо того, чтобы каждый раз воспринимать объект, с которым мы до этого уже сталкивались в опыте, индивидуально и по-новому, у субъекта формируются некоторые усредненные репрезентации, которые были названы ансамблевыми или статистически суммированными, целых комплексов таких объектов⁶⁹.

Таким образом, основным выводом здесь выступит то, что для решения проблемы зрительного сознания необходим комплексный подход, учет и взаимодействие существующих концепций и их методов.

---

⁶⁹ Суцин М.А. Зрительное сознание, репрезентации и действия // Философия науки и техники. – 2019. – Т. 24. – №1. С. 109.

Заключение

В настоящей работе, посвященной эпистемологической проблеме иллюзии и реальности, мы рассмотрели возможные решения этой проблемы на примере нескольких философских и психологических концепций. Поскольку каждая из них несколько по-разному дает ответ на вопрос, что есть иллюзия и какое место она занимает (существует ли иллюзия объективно, или является искажением нашего когнитивного аппарата), мы, отыскав нечто общее между, казалось бы, диаметрально противоположными точками зрения (реализмом и конструктивизмом), попытались найти «компромиссное» решение в данном вопросе. Так, позиция конструктивного реализма представляется наиболее подходящей и перспективной в рамках современной эпистемологии, философии науки и когнитивистике, в частности – для решения вопроса иллюзии и реальности. Именно концепция конструктивного реализма позволяет снять противоречия между реализмом и конструктивизмом.

Человек – это полноправная часть этого мира. Человеческое сознание не создает реальный мир, а познает окружающую действительность в формах собственной деятельности. С его появлением меняется не только мир, но меняется и сам человек: восприятие меняет воспринимающего. Человек становится тем, кто он есть, благодаря тому, что им было воспринято в прошлом; воспринимая и действуя в настоящем, он продолжает изменять и создавать себя, будущее себя и мира. Уникальность человеческих возможностей в отношении восприятия и действия состоит в том, что ни одно из живых существ не занимает такое же место в мире, не имеет в точности такого жизненного опыта, какой имеет человек.

На становление позиции конструктивного реализма оказало серьезное влияние исследование Дж. Гибсона, его «экологический подход» к пониманию зрительного восприятия. Данная концепция заложила основу для другой, не менее важной идеи «воплощенного познания», на которую также повлияла концепция Ф. Варела. Сенсомоторный энактивизм как часть

телесно-воплощенного подхода в настоящей работе был представлен именем А. Ноэ, который, на примере решения вопроса о мире как великой иллюзии, показал, что переживание среды во всех подробностях возможно благодаря непосредственному доступу к этим подробностям, а доступ в свою очередь есть у нас благодаря владению практическим знанием о взаимозависимости между действиями, которые мы осуществляем, и сенсорной стимуляций. Видимый мир не является большой иллюзией, как считали представители т.н. нового скептицизма.

Несомненно, в этих подходах есть и слабые места. На некую ограниченность установки Гибсона в понимании восприятия и познания указал американский психолог У. Найссер. Вместе с тем Найссер дополнил «экологическую теорию» собственными важными поправками, благодаря которым снимаются многие проблемы, возникшие в концепции Гибсона, в том числе и проблема иллюзии и реальности.

Найссер предпринял попытку примирить теорию Гибсона с идеями современных когнитивных психологов, показав, что основу восприятия составляет непрерывный перцептивный цикл. Центральным понятием для данной теории выступает понятие когнитивной схемы, с помощью которых мы извлекаем информацию из окружающего мира. Некоторые из этих схем врожденны, но большинство из них мы приобретаем в опыте. Подобно информации о самом себе, информация об окружающем мире может быть собрана посредством настроенной соответствующим образом схемы. Результатом данного обследования служит выделенная информация, которая способна модифицировать исходную схему. Это и есть непрерывный перцептивный цикл восприятия. Важно то, что восприятие направляется предвосхищающими когнитивными схемами, но не управляется ими. Схемы определяют выбор информации, а не создают ложные перцепты или иллюзии.

Телесно-воплощенный подход в большинстве случаев критикуется за основной тезис своей теории – познание как воплощенное действие, которое

разворачивается в процессе активного взаимодействия субъекта со средой. Ведь человеческое познание в значительной степени может быть и не «ситуативным». К автономным процессам обычно относят некоторые виды мышления, планирования, памяти, язык и речь. Если бы человеческий когнитивный аппарат был бы связан только с текущими ситуациями, то ни о каком создании искусства, математики и логики не могла бы идти речь. Таким образом, познание не может быть сведено исключительно к телесности, взаимодействию с текущей окружающей средой.

Однако, несмотря на слабые места рассмотренных теорий, исследования в области когнитивных наук развиваются столь быстрыми темпами, что сделать предположение о том, что будет известно и открыто через 10-15 лет, проблематично. На данный момент ясно одно: телесно-воплощенный подход внес значительный вклад в преодоление односторонних представлений о разуме и познании, которых придерживались сторонники вычислительного подхода. Энактивизм, как одно из основных направлений в исследовании воплощенного познания обогащает когнитивную науку не столько за счет новых объяснительных моделей, сколько за счет существенного пересмотра самого предмета изучения. Изучение феноменального опыта в качестве того, что стоит объяснять и описывать – важный шаг в сторону дальнейшего развития в данной области научного исследования. Многие исследователи связывают с энактивизмом главную перспективу развития в области искусственного интеллекта и когнитивной науки в целом.

Список литературы

1. *Величковский Б.М.* Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. – Т. 1. – М.: Издательский центр «Академия», 2006.
2. *Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988.
3. Горизонты когнитивной психологии: Хрестоматия / Под ред. В. Ф. Спиридонова и М. В. Фаликман. – М.: Языки славянских культур; М.: Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), 2012.
4. *Грегори Р.Л.* Разумный глаз. – М.: УРСС, 2003.
5. *Иванов Д.В.* Радикальный энактивизм и проблема субъективности // Вопросы философии. 2016. №11.
6. *Князева Е.Н.* Телесное и энактивное познание: новая исследовательская программа в эпистемологии // Эпистемология: перспективы развития. М.: Канон. – 2012.
7. *Лекторский В.А.* Субъект, действие, реальность. // Вопросы философии. 2017. №9.
8. *Лекторский В.А.* Философия, познание, культура. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012.
9. *Логинов Н.И., Спиридонов В.Ф.* Воплощенное познание как современный тренд развития когнитивной психологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. – 2017. – Т. 7. – №1.
10. *Матурана У., Варела Ф.* Древо познания: биологические корни человеческого понимания // М.: Прогресс-традиция. – 2001.
11. *Меньшикова Г.Я.* Зрительные иллюзии: психологические механизмы и модели // Дис. на соиск. уч. степени доктора психол. наук. – 2013.
12. *Найссер У.* Познание и реальность. М., 1981.

13. Ноэ А. Является ли видимый мир великой иллюзией? // Философско-литературный журнал «Логос». – 2014. – №1.
14. Психология ощущений и восприятия // Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и др. – изд. 2-е, исправленное и дополненное. – М.: «ЧеРо», 2002.
15. Субъективный мир в контексте вызовов современных когнитивных наук / Общ. ред. и сот. В.А. Лекторского (Отв. редактор), Е.О. Труфановой, А.Ф. Яковлевой. – М.: Аквилон, 2017.
16. Сущин М.А. В защиту гипотезы внутренних репрезентаций в современных исследованиях восприятия и познания // Вопросы философии. 2018. №4.
17. Сущин М.А. Зрительное сознание, репрезентации и действия // Философия науки и техники. – 2019. – Т. 24. – №1.
18. Сущин М.А. Концепция ситуативного познания в когнитивной науке: критический анализ: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Москва, 2014.
19. Фаликман М.В. Когнитивная наука: основоположения и перспективы // Философско-литературный журнал «Логос». – 2014. – №1 (97).
20. Фаликман М.В. Структура и динамика зрительного внимания при решении перцептивных задач: конструктивно-деятельностный подход // М.: МГУ. – 2015.
21. Фаликман М., Спиридонов В. Когнитивная психология: история и современность // М.: Ломоносовъ. – 2011.
22. Философский энциклопедический словарь // гл. ред. Л.Ф. Ильичев и др. – М., 1983.
23. Шабри К., Саймонс Д. Невидимая горилла, или История о том, как обманчива наша интуиция. М.: Карьера-пресс, 2011.
24. Clark A. Being there. – Cambridge, MA: MIT Press, 1997.

25. *Chemero A.* Toward a situated, embodied realism. Center for the Ecological Study of Perception and Action. PP. 177-204. 2007.
26. *Dennett D.C.* Consciousness Explained. Boston: Little Brown, 1991.
27. *Gibson J.J.* New reasons for realism // *Synthese*. – 1967. – Т. 17. №1.
28. *Noe A.* Action in Perception. – MIT press, 2004.
29. *Noe A.* Out of our heads: Why you are not your brain, and other lessons from the biology of consciousness. – Macmillian, 2009.
30. *O'Regan J.K., Noe A.* A sensorimotor account of vision and visual consciousness // *Behavioral and Brain Sciences*. 2001. Vol. 24. No. 5.
31. *Palmer S.* Vision Science: Photons to Phenomenology. Cambridge, MA. A Bradford Book // MIT Press, 1999.
32. *Varela F., Thompson E., Rosch E.* The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1991.
33. <http://illusionoftheyear.com> (дата обращения 03.04.2020)